Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Г.С. Криницкая

РУССКАЯ ИДЕЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Министерство образования и науки Российской Федерации
Томский государственный университет

Г.С. Криницкая

РУССКАЯ ИДЕЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Монография

Томск 2014

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

УДК 94(47+57)„19”
ББК Т3(2)522/53
К82

Криницкая Г.С.

К82 Русская идея во второй половине XIX века. Книга вторая: монография / Г.С. Криницкая. – Томск: Томский государственный университет, 2014. – 187 с.

ISBN 5-94621-004-1

Монография является второй книгой в серии задуманного автором масштабного исследования по истории развития «русской идеи». Хронологически данная работа охватывает наиболее сложный переходный период ее состояния – от славянофильства к западничеству. Первостепенное внимание автор уделяет концепции «русской идеи», разработанной выдающимся русским мыслителем второй половины XIX века Н.Я. Данилевским, создавшим фундаментальное и уникальное в своем роде сочинение – «Россия и Европа».

Для историков, философов, филологов и всех, кто интересуется вопросами русской культуры

УДК 94(47+57)„19”
ББК Т3(2)522/53

Рецензенты

Доктор исторических наук
Е.В. Кузнецов

Доктор исторических наук
Р.В. Шежинский

Охраняется законом «Об авторском праве»

ISBN 5-94621-004-1 © Криницкая Г.С., 2014

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происходящие в начале двадцать первого века глобальные изменения всего послевоенного устройство мира, грозящие в случае их торжества, неминуемой катастрофой человечеству, предельная активизация агрессивных национал-радикальных элементов Западной Европы, веками вынашивавших зловещие планы по уничтожению России путем расчленения её на колониальные зоны, подключенные к этому плану США («Гарвардский проект») и развязанная ими фактически гражданская война на Украине (Малороссии) после насаждения там фашистского режима как политической прелюдии к последующему утверждению мирового господства англо-сакской расы – все это превращает «русскую идею» в одну из самых актуальных тем современной отечественной истории.

Начиная с четырнадцатого века и заканчивая веком девятнадцатым в русской общественной мысли данная тема, несмотря на упорное сопротивление русофобствующей части интеллигенции, («чужебесие», по Ю. Крижаничу), оставалась главной для всех вы-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ющихся мыслителей – славянофилов, истинных патриотов, с поразительной точностью выстраивающих исторический прогноз будущего мироустройства, роль России и всего славянского мира в этом процессе.

Поистине энциклопедические знания русской и мировой истории позволили славянофилам безошибочно предсказать тот факт, что главным гарантом мирного сосуществования всех народов может быть только создание Всеславянского союза и биполярное (многополярное) устройство мира и столь же безошибочно усмотреть в Соединенных Штатах Америки будущего главного противника России. Отсюда они делали совершенно правомерный вывод о необходимости всемерной борьбы с ложными представлениями о принадлежности России к Европе: Европа – чужое и исторически враждебное России образование (субъект).

Сегодня российская дипломатия и политика (после двух десятилетий покорного следования в фарватере западного, а по сути – американского глобалистского мышления) возвращается к чистым истокам русской общественной мысли, к «русской идее», ибо, как показывает многовековая историческая практика, именно России принадлежит великая миссия сохранения мира на Земле.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Ведущая роль в этом сложнейшем процессе возрождения «русской идеи» принадлежит Президенту России В.В. Путину – всемирно признанному мировым сообществом лидеру по нормализации международных отношений, сумевшему вернуть дипломатии её истинный смысл и значения.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ГЛАВА 1. «РУССКАЯ ИДЕЯ» В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ОТ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА К ЗАПАДНИЧЕСТВУ

Переходный период от славянофильства к западничеству является наиболее драматичным периодом в развитии «русской идеи», связанным с именем П.Я. Чаадаева, ставшего предтечей западничества. Умонастроения Чаадаева сформировались в значительной степени под влиянием поражения декабристов, что и определило его взгляд на роль и значение «русской идеи» в формировании Русского государства.

Вступив в тайное «Северное общество» в 1821 году, укрепившись в своем неприятии русского мира за годы пребывания за границей (1823–1826 гг.) и вдохновившись католичеством, Чаадаев пишет два «Философических письма». В полном пренебрежении к историческим фактам уже в первом из них он решительно заявил о своем размежевании с «русской идеей».

Сравнивая Россию и Западную Европу, Чаадаев пришел к откровенно вызывающему выводу относительно России: «Россия, – заявляет он, – это историче-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ское ничто, некая «хаотическая бесформенность», которую оставило божественное Провидение, бросив ее на произвол судьбы. Но, поскольку Россия забыта Провидением, то постольку произошло ее «выпадение из всеобщей истории». Отсюда проистекают и духовная нищета русского народа, и экономическое прозябание страны.

Более того, утверждает Чаадаев, Россия, раскинувшись между Европой и Азией, скорее есть «явление географическое», нежели историческое и вообще не заслужила бы упоминания во всемирной истории, если бы не ее огромные пространства, да не монгольские полчища, которые прошли по ней, создав угрозу для Европы. «Про нас, – пишет он, – можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуем лишь для того, чтобы преподать великий урок миру»[1].

Главную причину всех «несчастий» России Чаадаев усматривает в том религиозном выборе, который она сделала, приняв христианство византийского толка, которое является, по его мнению, пассивно-аскетическим и асоциальным верованием. А так как Россия добровольно, самостоятельно совершила эту

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

роковую ошибку, заявляет Чаадаев, то теперь «она сполна расплачивается за нее и божественное Провидение отказывает в своем обычном благодетельном влиянии на человеческий разум…не захотело нас ничему учить»[2].

Но опасность чаадаевского диагноза судьбы России состоит даже не столько в его извращенно-ложном навете на ее историю, что легко опровергается историческими фактами. Опасность его философии русской истории заключается в другом, а именно: **в подмене** истинного содержания и сущности самой «русской идеи» другой «русской идеей», сущность которой он раскрывает в своей работе «Апология сумасшедшего» и в личных письмах к известным писателям, как, в частности, к И.С. Тургеневу.

Так, если в первом «Философическом письме» Чаадаев определяет историю России как вечно длящийся отрицательный урок для всех народов, то в «Апологии сумасшедшего» и личных письмах он предписывает России в будущем совершенно иную роль: «разрешить самые великие проблемы мысли и общества, ибо мы свободные от предрассудков и авторитетов, очаровавших умы Европы… Россия получила в удел задачу дать в свое время разгадку челове-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ческой загадки[3], поскольку божественное Провидение поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества»[4]. Поэтому только тогда, когда весь русский народ осознает свое «призвание» и проникается своей великой мессианской ролью, только тогда России и будет позволено войти в историю. Вот это и есть, по Чаадаеву, истинная «русская идея».

Как видим, Чаадаев, выступив от имени божественного Провидения, полностью отказывает России в праве иметь собственно русские национальные интересы и чаяния, то есть в праве творить собственную историю, предписывая ей жалкую роль служанки по обслуживанию национальных интересов других народов мира, служанки мировой истории, в которую ее возможно и впишут, если она решит все задачи человечества, признав свою обезличенность и роковую обреченность логикой истории.

Но, если это так, если русскому народу, по Чаадаеву, не дано право творить собственную национальную историю, то, по сути, это и есть то же самое «небытие» России, о котором Чаадаев вещал в своем первом «Философическом письме», закамуфлировав «русскую идею» под великую мессианскую роль рус-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ского народа в «Апологии сумасшедшего» и своих личных письмах. Отсюда следует, что никакой «смены знаков» от «негативного мессианства» России к «мессианству позитивному», о чем пишет Л.В. Поляков, в чаадаевском творчестве не присутствует[5].

Таким образом, Чаадаев не просто отрицал «русскую идею», он по-иезуитски коварно подменил ее сущность и содержание, что гораздо опаснее, нежели простое ее отрицание, поскольку чаадаевский ложный вариант «русской идеи» был с большим вдохновением подхвачен во второй половине XIX века всеми антирусски настроенными так называемыми религиозными философами России в переходный период её осмысления.

Переходный период в развитии «русской идеи» хронологически охватывает время острейшей полемики между славянофилами и западниками с начала 50-х до начала 60-х годов XIX века. Отличительной особенностью этого периода выступает включение в содержание «русской идеи» понятия «народность» и определение его значения для отечественной науки, а также включенность в обсуждение данного понятия широкого круга представителей различных направлений русской общественной мысли, в том числе и

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

представителей исторической школы права, к которой первоначально принадлежал и выдающийся русский мыслитель XIX века Б.Н. Чичерин.

Учитывая остроту и масштабность спора между Б.Н. Чичериным и славянофилами по всем ключевым вопросам русской истории, эта полемика проливает свет на значение в «русской идее» элемента «народность», от имени которого стали говорить впоследствии все либералы-западники России вплоть до Горбачева: уничтожая Советский Союз строго по сценарию «Гарвардского проекта», разработанного в США, именно он в 1987 г. заявил: «Народ пришел в движение», увлекая русский народ своим «новым мышлением» к историческому кладбищу.

Однако вернемся к полемике между Б.Н. Чичериным и славянофилами.

Говоря в общем, никакая другая школа в русской исторической науке на всем протяжении своего существования не имела такого сильного резонанса, как историческая школа права, к которой, как мы уже отмечали, первоначально принадлежал Чичерин. С самого начала своего возникновения в России она натолкнулась на жесткое неприятие со стороны главных носителей исторической мысли 40-х годов – славянофилов

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

и Погодина – патриарха в определении курса чтения русской истории в Московском университете. За прошедшие более чем полутора столетий с начала возникновения этого спора немалое число историков пыталось стать арбитром в этой полемике. Однако с какой-то тяжелой неумолимостью они непременно скатывались на позицию той или другой спорящей стороны. Наиболее беспристрастное определение значения этой полемики для развития русской духовной культуры дали, на наш взгляд, Н.П. Барсуков, А.Н. Пыпин, Д.И. Чижевский и Клаус Гротхузен[6].

Так, Чижевский, сравнивая духовную атмосферу в России 20-х – 30-х годов с просвещенством 40-х – 60-х, проливает свет на многие нерешенные до сих пор вопросы истоков этой полемики в отечественной историографии. В 20-х – 30-х годах, пишет он, в России широкое распространение получила в образованных кругах не поздняя «положительная» философия Шеллинга, а ранняя, развитая им в работах: «Система трансцендентного идеализма», «Сущность человеческой свободы», «О мировой душе». Однако в России усвоена была не система мыслей Шеллинга в целом, а наиболее слабая сторона его философии – метод аналогий (Погодин, Максимович, Одоевский) и от-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

дельные мысли философа, как то: одушевление природы, внутренняя цельность искусства, интуитивный характер познания. Усвоив таким образом Шеллинга, все русское образованное общество жило «в успокоительном сознании», что где-то великий ученый и поэт наконец-то примирил философию и религию, сознание и веру. «Ни потребности в философской системе, ни потребности в определенном философском методе у поколения «любомудров», как кажется, – пишет Чижевский, – еще не было. Усвоены были только отрывки, фрагменты, отдельные случайные мысли. Все бросились в эту чудную, роскошную страну; кто ради науки, кто из любопытства, кто для наживы. Одни вынесли оттуда много сокровищ, другие лишь обезьян да попугаев, но многие и потонули»[7].

Совершенно другие мотивы к Шеллингу, считает Чижевский, находим мы у младшего поколения 40-х годов, которое в большинстве своих представителей только прошло через увлечение Шеллингом на пути к Гегелю. У этого поколения отмечается, прежде всего, интерес к целостной системе Шеллинга, искание в его философии определенного философского метода (Катков, Станкевич, Григорьев). Как вспоминал И.В. Киреевский: «Философские понятия распространялись у нас

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

весьма серьезно. Нет почти человека, который бы не говорил философскими терминами; нет юноши, который не рассуждал бы о Гегеле; нет почти книги, нет журнальной статьи, где незаметно было бы влияния немецкого мышления; десятилетние мальчики говорят о конкретной объективности. В противоположность увлечения Шеллингом и романтической философии, которое проникло в тесные круги избранных, увлечение Гегелем захватило широкие круги общества»[8].

Этот факт представляется для нас чрезвычайно важным, поскольку дает четкое представление об истоках в расхождении методов осмысления русской истории между Чичериным и славянофилами. Славянофилы, тот самый «узкий круг московских бар» остались, как теперь нам представляется, верны методу Шеллинга. Сделанное нами уточнение имеет тем большее значение, что многие исследователи понимают буквально самого Чичерина, который в своих «Воспоминаниях» писал, что к началу 40-х годов увлечение Шеллингом прошло. Так, Гротхузен вообще утверждает, что влияние Шеллинга на русскую духовную жизнь «решающим образом упало» уже в конце 30-х годов[9]. Однако ни Чичерин, ни Киреевский, ни Чижевский, говоря о падении влияния Шел-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

линга в России, вовсе *не пишут об отказе от его метода* исследования со стороны славянофилов.

Как следует из детального анализа этой проблемы Чижевским, к началу вступления Чичерина со славянофилами в полемику философия Шеллинга стала для них (славянофилов) почти что только «противоядием» против философии Гегеля и гегельянцев, разрывающих с религией и уводящей от церкви и православия своих русских последователей, «Положительной философии поздних лет, – указывает Чижевский, – противопоставлялась отрицательная философия Гегеля и его школы. Примирение философии с религией в поздней философии Шеллинга… казалась залогом возможности такого примирения на русской почве»[10]. Аналогичный взгляд на философские основания учения славянофилов высказывал и Н.П. Барсуков[107], подробнейшим образом излагая все или почти все содержание их публицистики 40-х – 60-х годов[11].

В соответствии с учением славянофилов, источник всякого просвещения находится в религии, из которой и наука, и искусство получают все свои верховные начала. Славянофилы признавали только цельную христианскую истину, хранимую православной церковью, которая представляет собою высшее единство

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

противоположностей. Поэтому они отрицали западный мир, который, развиваясь под влиянием двух оторвавшихся от целостного христианства ветвей – католической и протестантской, – закончил свой кругооборот и должен уступить место новым живым силам, лежащим в православном русском народе и православной церкви, призванной создать из себя новую высшую цивилизацию. Но для того, чтобы исполнить свою великую миссию, считали славянофилы, русский народ должен держаться собственных начал, сохранившихся только в русском народе. А поскольку, считали они, высшие классы в результате переворота Петра I оторвались от родной почвы и примкнули к западной цивилизации, поскольку возвести эти начала в общественный идеал, пробудить в обществе народное самосознание составляет главную задачу русской просвещенной мысли, русской литературы и истории.

Публикация во втором номере журнала «Русская Беседа» (1857 г.) посмертного сочинения И.В. Киреевского «О необходимости новых начал в философии», в которой он утверждал, что немецкая философия в совокупности с тем развитием, которое она получила в последней системе Шеллинга, может служить у нас самою удобною ступенью мышления от заимство-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ванных систем к любомудрию самостоятельному, которое соответствует основным началам древнерусского образования и способна подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума, убедительнее всего говорит сама за себя[12].

Поводом же для длительной дискуссии явилась публикация в третьем номере журнала «Русский Вестник» в 1856 году заметки Б.Н. Чичерина, «О народности в науке», в которой он поставил вопрос о необходимости восстановить утраченное в русском народе самосознание, поскольку историческая наука «зачалась» в России вслед за петровским переворотом, который прервал у нас живую нить исторического предания. Поэтому историческая наука «явилась» у нас не «как плод созревшего народного самосознания», а как попытка со стороны цивилизованного общества, оторвавшегося от народной почвы, восстановить в себе утраченное самосознание.

Уже в первом номере журнала «Русская Беседа» (1857 г.) была опубликована статья Ю.Ф. Самарина, в которой он обвинил Б.Н. Чичерина в том, что тот заботливо охраняет науку «от прикосновения народности», а в словах его высказывается «решительное, хотя и невольное признание неестественности отношения безнародной науки и жизни»[13]. Наряду с сама-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ринской, в этом и последующих номерах «Русской Беседы» был опубликован еще целый ряд статей, имеющих целью доказать необходимость народного воззрения на науку. И если, как отмечает Н. Барсуков, это «новое» направление было встречено в русской литературе бранью и насмешками, то журнал «Русский Вестник», в котором печатался Чичерин, вступил в серьезный спор со славянофилами.

Остановимся подробнее на всех пунктах обвинения Самариным «исторических трудов» Чичерина, поскольку они (обвинения) явились в отечественной историографии, можно сказать, отправной точкой для обличения Чичерина в «нелюбви к России», в «прозападной» ориентации его научного творчества, извращающего идеал России.

Указав в своей статье, что Чичерин не боится трудностей и приступает к исследованию самых трудных и неразработанных *«по сю пору»* вопросов русской истории, Самарин приходит к выводу о том, что «ни одно из новых его положений не выдерживает критики», и в итоге он «не внес в науку положительных результатов». В общей сложности Самарин выдвинул три главных пункта, обличающих «несостоятельность» исторических трудов Чичерина.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Во-первых, все исторические труды этого ученого «поражают» неполнотой «употребления в дело» источников, которые бы охватили «все сферы народной жизни». К таковым он относит: сочинения иностранцев, памятники церковной литературы, сказки, поговорки и современный быт, «как самый надежный комментарий к скудным остаткам древней письменности. «Если бы Чичерин, – продолжает Самарин, – принял в соображение все источники и проверил бы свои выводы характером всей древней жизни, он неминуемо пришел бы к заключению, что юридические памятники выражают одно понятие, а в народной жизни существовало другое понятие»[14]. Но, обвинив Чичерина в ограниченности источниковой базы его исторических трудов, сам Самарин, переходя к рассмотрению тех же вопросов русской истории, что и Чичерин (о варягах, о сельской общине, о крепостном праве, о русской администрации и др.), не ссылается ни на один из указанных им же источников. Поэтому совершенно прав Л.М. Искра, сделавший вывод о недостаточности в тот период источниковой базы для исторических исследований. Впрочем, и Самарин, сам того не замечая, прямо говорит об этом: «В те времена, – имея в виду историю древней Руси, – чтобы

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

взяться за перо, нужны были особенные побуждения», и писали главным образом князья и бояре, но «не крестьяне»[15]. Отсюда следует, что никаких других письменных «народных» источников древней Руси, кроме летописей, которые Чичерин, в отличие от Самарина, использовал очень широко, не существовало.

Вторую ошибку Чичерина Самарин усматривает в том, что тот, якобы, «удовлетворительно рассмотрев государственные потребности, имевшие влияние на судьбу сельского населения, но, упустив из виду экономическую сторону вопроса, он не заметил, что … прикрепление крестьян представлялось единственным средством удержать нераздельность земледельца с землею»[16].

Пожалуй, нам нет смысла повторять, что именно экономическую сторону вопроса Чичерин как раз и рассматривал, исследуя русскую общину. Но, положив свободу в основу развития общества и личности, он, естественно не мог прийти к объяснению введения крепостного права как единственного средства удержать «неразделенность земледельца с землею».

Наконец, третья ошибка Чичерина, по мнению Самарина, состоит в «отрицательности его воззрений … вследствие непримиримости избранного мерила

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

(Запада – *Г.К.*) к предмету изучения (России – *Г.К.*) … отрицательное воззрение на русскую жизнь», но указал на логическую необходимость перехода «от государственного направления мысли к народному. … В сущности, отрицательность выводов есть неспособность угадать причину своеобразности народной жизни и уловить в ней те духовные побуждения, в которых сперва бессознательно обнаруживаются предрасположения народа к историческому призванию и которым позднее, в эпоху зрелости, предназначено развиться в стройную систему понятий и найти для себя идеальные образы … поэтому … народность, как определение испытующей мысли, составляет необходимое условие для того, чтобы уразуметь смысл жизни и добыть его для науки»[17]. А дальше в большой статье Самарина излагалась пространная аргументация в защиту своего взгляда на народность в науке.

Поскольку в ответных журнальных статьях Чичерин, опровергая Самарина, дословно цитирует его доводы, нам нет необходимости здесь их перечислять, во избежание повторов.

Чичерин ответил Самарину, а в его лице и всем славянофилам, двумя статьями[18]. В статье «О народности в науке» он доказывает несостоятельность аргумен-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

тов Самарина в решении им двух задач «для народности… в деле науки. Первая из них состоит у Самарина в необходимости «понимания близких к ней явлений» и выражается в том, что «сродство мысли познающей с мыслью проявившею себя исторически, заключает в себе одно из существенных условий постижения внутреннего смысла и побудительных причин, вызвавших это проявление.» Поэтому, по Самарину, католик лучше и глубже других постигает значение католицизма, протестант – значение реформации, немец лучше уразумеет свою, а русский – русскую историю.

Кто же в действительности более способен вполне понять и оценить жизнь известного народа?

Для Чичерина сомнений нет: «…если бы, – пишет он, – действительно такое ближайшее, национальное родство мысли с предметом было необходимо для полного понимания, то наука находилась бы в несчастном положении… В этом случае нам нельзя даже и дожидаться, чтобы Греки и Римляне высказали нам внутренний смысл своей истории, потому что они давно уже умерли… Да и само сродство народа со своею прошедшей жизнью с течением времени затемняется и теряется… Современный Немец по своему быту, по своим понятиям гораздо глубже к современным Французам,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

нежели к Германцам времени Тацита. Но, обращаясь назад к протекшей своей истории, современники ищут в ней сродное; они переносят в прошедшее свои собственные желания, требования, страсти и приписывают предкам такие дела и воззрения, о которых последние никогда и не помышляли. Отсюда проистекает и то бесчисленное множество фантастических представлений, которые вносят у нас в русскую историю... *Настоящие свои воззрения мы выдаем за национальные*… затемняя таким образом значение истории извне взятыми данными»[19] (Курсив – *Г.К.*).

Иронизируя над доводами Самарина, Чичерин в другой своей статье («Дополнительная заметка о народности в науке») пишет: «Отчего бы нам не говорить о науке губернской, уездной и, наконец, личной? А поскольку в мире нет двух одинаковых организмов, то потребуются и различные приложения медицины. Для каждого больного будет, следовательно, своя наука: одна будет медицина Ивана Ивановича, другая… Петра Петровича»[20].

Отвергая, таким образом, взгляд Самарина на метод исследования национальной истории, Чичерин противопоставляет ему свой, объективный: «Для науки, – пишет он, – необходимо… воззрение объектив-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
ное: чем более мы отрешимся от субъективных взглядов, тем яснее и полнее будет истина, ибо истина для всех одна, хотя формы, в которых она проявляется, разные. Так, если в практической жизни или в искусстве каждый народ может предпочесть одну форму другой, исходя из своего вкуса и потребностей, то в науке такого выбора нет, потому что не может быть двух разных истин. Для Русского история Китая точно такая же истина, как и для Китаянина, хотя для последнего она имеет гораздо более практического значения, нежели первого»[21].

Особенно такая объективность, считает Чичерин, необходима для разработки *собственной* истории народа и каждый историк, занимающийся историей своего народа, если он дорожит истиной, должен *воздерживаться* от возвеличивания своей родины и *помнить*, что увлекаясь ближайшим к ней сочувствием, он не может быть над нею судьею, точно так же как не может быть судьею над отцом и матерью. «Он должен знать, что ученая его работа тогда только получит цену, когда обсудят ее всесторонне люди, когда другие народы признают выработанные им воззрения за несомненную истину»[22]. И неслучайно, указывает Чичерин, немецкие историки, руководствуясь мето-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
дом объективного отношения к предмету исследования, сделали для римской истории больше, чем французские, хотя последние стояли гораздо ближе к Риму. «В науке, – заключает он, – свое и чужое – понятия неуместные, скажем лучше, безобразные»[23].

Отсюда Чичерин приходит к выводу о несостоятельности решения другой задачи Самариным, которая прямо вытекает из первой, а именно: беспристрастность суждения над другими народами. По теории Самарина, ни католик, ни протестант не могут произнести друг над другом беспристрастный приговор, следовательно, это могут сделать только другие, например, русские.

Отвечая Самарину, Чичерин указывает на факт смешивания им религиозных воззрений с народными: «… если отрешенность от других народностей дает нам возможность быть беспристрастными судьями, то привязанность к своей делает нас неспособными занять столь высокое место. Другое дело, если мы станем на точку зрения религии как единой абсолютной истины для всего человечества, но тогда не следует говорить о народности. Тогда мы можем судить не потому, что мы, как посторонние, были беспристрастны, а потому, что мы, как все наши единоверцы, к какому бы народу

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

они не принадлежали, убеждены в истине известного вероисповедания. Но как скоро мы в этом вопрос внесли элемент народности, так мы тотчас станем на точку зрения пристрастную. Мы будем иметь не истину божественную, и человеческую вообще, а свою истину». Таким образом, заключает Чичерин, куда бы мы не обратились, везде народность в науке «представляется нам синонимом исключительности, односторонности, а потому и лжи… Другого значения народное воззрение в науке иметь не может»[24].

Кардинально, как представлялось Самарину и Чичерину, разошлись их взгляды и на смысл истории, а также ее законы. Так, Самарин пишет: «Всякое воззрение предполагает точку зрения, всякий акт мышления – исходное начало. Если от избранной точки зрения зависит характер воззрения и самый вывод, то бесспорно мы должны признать в ней, как возможность ошибок, так и необходимое условие всех открытий и успехов в области знания… Закон человеческих стремлений, в какой бы то ни было области – верховный закон, которому все подчиняются: задача человеческого развития, цель человеческого бытия, все эти понятия могут ли быть усвоены не иначе, как в форме положительного учения, определяющего точку зрения мыслителя? Без

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

них *невозможна даже история, в которой, по-видимому, все дается объектом*, а от мысли требуется только мудрое воздержание» (Курсив – *Г.К.*).

Нетрудно представить, какова должна была быть ответная реакция Чичерина, для которого история есть развитие мысли, внутренних определений духа. Заявив, что метод Самарина не имеет ничего общего с наукой, что если согласиться с Самариным, то точка зрения исследователя, во-первых, должна быть непременно национальной, во-вторых, мы должны заранее знать задачу всего человечества на основании своей национальной точки зрения, он пишет: «Для науки, всякое явление, где бы оно не было, есть факт, который она вносит в свои летописи, проверив наперед, действительно ли он существует, в какой форме и при каких условиях. Факт и закон – вот вся наука, вот вся ее задача. Закон уже заключается в факте: последний есть произведение первого. Нужно только посредством исторической критики с знанием произведенных опытов, отделить случайное от постоянного, нужно развитою мыслью вникнуть в жизненную связь явлений, и закон явится нам, как внутренняя их сущность. Затем предстоит сближать различные законы, постичь их взаимное отношение, в частных законах уразуметь

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

законы всеобщие, и таким образом, восходя все выше и выше, построить цельное здание науки, в котором каждая часть, истекая из общего, будет иметь свой смысл и свое значение»[25].

Наконец, последнее, в чем радикально разошлись взгляды Чичерина и славянофилов – это просвещение. Здесь наиболее выразительной со стороны славянофилов может служить сентенция К.С. Аксакова, которого цитирует Чичерин: «Мы, – говорит он, – не хотим, чтобы нам навязывали начала, выработанные где-то, мы хотим все черпать из самих себя, из собственной жизни. Наши противники под влиянием иноземных книжек требуют, чтобы мы переняли чужие методы и усвоили себе выработанные другими астрономические понятия; да это значит уничтожить в нас всякую самостоятельность, всякую самобытность, осудить нас на вечное рабское подражание другим… Мы станем делать свои наблюдения… мы будем производить их своими способами, не слушая никого»[26].

В этом же духе рассуждает о просвещении и Самарин, сравнивая всю русскую историческую науку, начиная с Карамзина, с комедией, переделанной с французского и приспособленной к русским нравам: «Так точно, – возмущается он, – относились к русской

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

старине первые наши исторические труды, не говоря уже о второстепенных современных ученых», – а потому и все русское просвещение, заключает он, – «есть прямое, неизбежное последствие основных понятий, вынесенных из чужой нам среды, в то время как мы имели право на общечеловеческое достояние и помимо Западной Европы»[27].

С точки зрения Чичерина, напротив, русская научная литература еще «ничтожна» и необходимо прежде всего усвоить науку западную: «Западная Европа», – пишет он, – получила ее от древнего мира, мы же должны принять ее от народов западной Европы. Поэтому русскому народу надо твердить одно: учись, учись и учись!»[28]

Таким образом, если кратко суммировать все упреки славянофилов к Чичерину (и к и.ш.п. в целом), в изображении русской истории, то он обвинялся в следующих ошибках: 1) в превознесении государственного начала в ущерб народному началу и отсутствии веры в русский народ; 2) в принижении роли православной церкви в истории русского государства; 3) в преувеличении роли великой исторической личности и, вообще, личности в истории, а также в изображении им исторического прогресса как только «совре-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

менности»; 4) в ошибочности применения им к русскому средневековью теории приватного права; 5) в отсутствии патриотизма и необоснованном превознесении западного мира, на который должна ориентироваться Россия; 6) в ошибочности постулирования параллельного развития Восточной и Западной Европы.

Парадокс, однако, всей полемики состоял в том, что (как заметил и сам Чичерин), некоторые сотрудники «Русской Беседы» совершенно в духе Чичерина трактовали проблему отношения народного и общечеловеческого: «… капитал знания или образованность, – писал один из сотрудников «Русской Беседы», – есть общее достояние всего человечества, постоянно переходящего из рук в руки!… Каждый член этого огромного сообщества, которое называется человечеством, сперва овладел этим капиталом, потом более или менее приумножил и, наконец, сдал потомкам. Мы, *отсталая единица* новейшей образованности – законные наследники этого капитала… Посидим над этим наследием … поучимся, а там, *придет* пора и приумножим»[29]. Более того, Аксаков, один из главных оппонентов Чичерина, объясняя позицию журнала, писал, что нападки на «Русскую Беседу» совершенно необоснованны, так как в программе журнала вовсе не

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

предполагалось, что русское воззрение в то же время не будет общечеловеческим, поскольку всякое народное воззрение включает воззрение общечеловеческое: «Илиада» Гомера есть достояние всемирное, но в то же время – это явление чисто греческое, также как и Шекспир – поэт английский, народный, но принадлежит всему человечеству. Поэтому: «Странно было бы нападать из любви к народности на общечеловеческое; это означало бы отказать своему народу в имени человеческом… Европеизм, имея человеческое значение, имеет свою, и очень сильную национальность: вот чего не видят противники наших мнений, не отделяющие в Европе человеческого от национального»[30]. А недоразумение, считает он, произошло «от того», что выражение «русское воззрение» не было точно объяснено, т. к. им казалось это излишним. Подтверждает этот факт и М.А. Дмитриев, высказывая свое мнение о «русском воззрении» по просьбе М.П. Погодина: «Направление «Русской Беседы», – писал он, честное, но не ясное. Споры о народном направлении поднялись, а в чем оно состоит, особенно в науке, издатели не выразились начисто! Это значит, что они и сами неясно его понимают. Прежде всего определи ясно, да от этого и иди далее. А они только *чувству-*

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ют, чего хотят; а не *понимают* ясно, в чем заключается именно… Какая-то туманная любовь предмета»[31].

На взаимное непонимание спорящих сторон как причину полемики указывает и К. Бестужев-Рюмин: «В основе всего лежала общая причина: при тогдашнем отсутствии гласности, так называемые партии, т. е. многочисленные кружки образованных людей, играли в жмурки, не понимая друг друга, ибо по многим вопросам объясняться, окончательно было нельзя в печати. Оттого раздражение переходило даже в личные раздоры, и люди перестали понимать друг друга… тогда видели в славянофилах врагов просвещения»[32].

Еще на одно основание взаимного непонимания спорящих указывает А.Н. Пыпин. По его мнению, в 20-х – 50-х годах число приверженцев славянофильского учения увеличилось, но это не привело к успеху. В результате «по некоторым предметам славянофилам пришлось говорить в один тон с «Московскими новостями» (официальный правительственный орган – *Г.К.*). Это привело к вражде со стороны лучших литераторов, которые стремились пробудить в обществе критическое сознание, возвыситься над той официальной народностью, которую проповедовал бюрократический консерватизм, славянофилы же вступили

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

в эту борьбу мнений с такими взглядами, по которым их нередко можно было принять за союзников официальной народности»[33].

Наконец, на еще одно основание взаимного непонимания друг друга указывает К. Гротхузен, по мнению которого, в период, с 1840 по 1861 гг., когда проходила острейшая дискуссия между славянофилами и представителями и.ш.п., профессиональная наука и образованные дилетанты (славянофилы) «еще не разделились окончательно по господствующему научному аппарату»[34].

Таким образом, можно считать вполне исторически доказанным, что основными причинами длительной полемики между Чичериным и славянофилами были:

1) различие методов исторического познания;
2) явное взаимное непонимание друг друга.

В силу названных причин, на наш взгляд, возникшая полемика получила необычайно широкий резонанс. На нее по-разному откликнулись едва ли не все известные ученые Санкт-Петербурга, Москвы, Харькова. Часть из них приняла сторону Чичерина, часть – славянофилов. Примечательно, однако, что Духовная Академия (Филарет Сергеевский) «по слухам», как отмечает Н. Барсуков, осталась недовольна

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

«Русской Беседой», «прежде всего его православием», а также «нелепо поставленным вопросом о народности, не лишенном истины в своей сущности, но принужденным развиваться крайне нелепо»; недоволен Филарет остался и недомолвкой «выраженного мнения об этой программе»[35].

Завершением этой полемики явился спор Чичерина со своим учителем – профессором истории римского права Московского университета Н.И. Крыловым. И хотя поводом для него стала защита Чичериным своей магистерской диссертации, но, как указывает сам Чичерин, «Уличить Крылова в том, что он, просмотрев наскоро маленькую часть введения, об остальном не имеет понятия и навязывает мне то, что я никогда не говорил, было весьма нетрудно. Мне хотелось главным образом разобрать Самарина, который в этом случае поступил с неменьшим легкомыслием, чем Крылов»[36].

Спор между ним и Крыловым длился без малого два года и интересен с точки зрения отношения к Чичерину официальной науки, где в тот период господствовал «упрощенный монизм», по выражению последнего. В своей суровой рецензии на опальную диссертацию Чичерина (а его не допускали к защите целых три года), развернутую затем в целую книгу,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Крылов рекомендовал ему «не придумывать путей строптивых и косных», ведущих к заблуждению, а «шествовать по стопам бессмертного Карамзина», и в бесцеремонной форме обвинил его в пренебрежении официальной наукой»[37].

В ответ Чичерин разразился также целой книгой, где, защищая свой взгляд на русскую историю, обвинил его не только в незнании древнерусской истории, но и в том, что он «шарлатан» в области римского права, указав на действительно имевшие место ошибки в его разделе по истории римского права, хотя и оценил его как «умного и способного» преподавателя, но «невежественного» во многих вопросах науки истории[38].

Собственно, этот вывод подтвердил и сам Крылов в своем письме к М.П. Погодину в марте 1857 года по поводу спора с Чичериным: «Я хворал от простуды, – пишет он, – а более от сердечного потрясения, которое я употребил при обделке *второй* моей *критической статьи*… Дело касается истории Руси и ее специфического понимания. А я здесь на этой земле – новый Латинский пришелец. Собери, брат, Русских людей – да поумнее, – и между ними одного или двух – не жидов и жидовствующих… для казни»[39].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Полемика с Крыловым позволила Чичерину вновь вернуться к славянофильскому идеалу русской жизни. Согласившись с Соловьевым, который определил направление «Русской Беседы» как *антиисторическое*, он, со своей стороны, характеризуя это направление *положительным* именем, не может «назвать его иначе, как мистико-фантастическою», где «идеал народного воображения выдается за непосредственное сознание народных масс. Если с воззрения «Русской Беседы» снять покров заманчивых фраз, если вникнуть в основание ее возгласов, то легко убедиться, что она любит не действительную Русскую старину, ибо действительной Русской старины она, можно сказать, вовсе не знает. Нет, она в древней России любит необработанную почву, на которую можно произвольным образом переносить собственные желания и требования. «Русская Беседа» смотрит на древнюю Русь, как Греки смотрели на золотой век. Однако, продолжает он, в том и другом воззрении, при основном сходстве, есть и существенные различия, которых нельзя упускать из виду. Во-первых, Греки, описывая золотой век, не наталкивались на исторические памятники, не встречали противоречия в фактах, а потому не имели поползновения обходиться с наукою так легкомысленно, как обходится

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

с нею «Русская Беседа». Во-вторых, Греки созидали себе представление полное, художественное, а «Русская Беседа» до сих пор высказывает только *смутные черты смутного идеала*. В этом отношении «Русская Беседа» скорее похожа на недоучившегося художника…»[40].

Таким образом, мы видим, что примерно с середины XIX века центральной проблемой русской общественной мысли, ее доминантой становится поиск общественного идеала России, причем, и славянофилы, и западники преследовали одну и ту же цель – понять суть России и ее истории, то есть ту самую знаменитую русскую самобытность. Но, что особенно примечательно, поставил этот вопрос в научной плоскости именно Чичерин, а вовсе не славянофилы, как традиционно принято было считать в отечественной историографии. Примечательным можно считать, с нашей точки зрения, и то обстоятельство, что это был период благосклонный и для западников, и для славянофилов, поскольку в России началась подготовка проекта «великих» реформ Александра II, над разработкой которой работали оба направления, что позволяло им высказаться таким образом, как они себе представляли этот общественный идеал. Правда, с окончанием великого времени молодое поколение славянофилов и их

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

последователи (панслависты) обратились в основном к практико-политической деятельности, в то время как профессиональная наука, которую представлял Чичерин, продолжала развиваться. В исторической концепции Чичерина общественный идеал России уже в «Современных задачах русской жизни», опубликованных в 1862 году, приобретает вполне определенные черты («начала», по Чичерину).

В последующие годы он вплоть до написания своих «Воспоминаний» более не возвращался к критике славянофильской концепции русской истории, их представлений об общественном идеале России, чего нельзя сказать о поздних славянофилах – продолжателях славянофильской идеи народности в истории. (А.П. Щапов, Н.Я. Данилевский и др.) Критикуя Чичерина они, как и славянофилы, настаивали на том, что для русского средневековья была характерна модель отношения, построенная на вере, а не на праве. Особенно непримиримую позицию по отношению к Чичерину занял А.П. Щапов. Противопоставляя свою концепцию русской истории, которую он подчеркнуто назвал «социально-антропологической», Щапов писал о нем как о типе «ультра государственного фанатизма», «страстном глашатае сильного государст-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

венного единства» и «централистки-бюрократического пантеизма»[41].

Можно считать, что ответом Чичерина была развернутая оценка значения славянофильского направления в русской мысли, данная им в своих «Воспоминаниях»: «Это была, – писал он, – настоящая секта. В основании лежали возвышенные и верные начала: глубокое нравственно-религиозное чувство и пламенный патриотизм, но то и другое искажали преувеличиванием, узостью и исключительностью. Ни один серьезный ученый не мог примкнуть к этому направлению, которое по самому существу своему в научном отношении осталось бесполезным … Славянофильское учение было произведением досужих московских бар, дилетантов в науке… Значение их в русской мысли состояло единственно в том, что они возбуждали прения… Никакого самосознания в русском обществе они не пробудили, а, напротив, охладили патриотические чувства тех, кто возмущался нелепым превознесением русского невежества над европейским образованием. Я сам на себе испытал до какой степени прирожденная моя любовь к отечеству, составлявшая одну из самых заветных чувств моей жизни, страдала от необходимости вести войну со славянофилами.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Приходилось напирать на темные стороны нашего быта, чтобы побороть то высокомерное презрение, с которым они относились к тому, что нам было полезнее всего… Ни одной путней мысли о так называемых русских началах они не высказали… а немало способствовали господствующему ныне умственному хаосу»[42] (середина 80-х годов. – *Г.К.*).

Однако памятуя о том, что одной из причин разногласий Чичерина со славянофилами явилось их взаимное непонимание друг друга, полагаем оценку Чичерина славянофилов весьма пристрастной, а потому и необъективной. Объективная точка зрения на значение славянофильского направления в русской историографии, на наш взгляд, принадлежит К. Гротхузену: «Исходный пункт славянофильской концепции русской истории, – пишет он, – как показали дальнейшие исследования профессиональной науки, ни в коем случае не был совершенно дилетантским… Славянофилы явились собственно носителями русского самосознания, основанного на собственной ценности русской истории… для них не характерна враждебность к Западной Европе, как … указывал Зеньковский … Именно славянофилы через свою постоянную… и справедливую критику профессиональной

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

науки, и, прежде всего, старшего поколения исторической школы права, несомненно, оказали стимулирующее и плодотворное на нее воздействие. Тем самым они заняли достойное место в развитии русской историографии… даже если у них отсутствовали свои теоретические посылки… Призывы к Шлецеру и к строительству источнико-критических методов они признавали…»[43].

В конечном счете, научного значения славянофильского направления не отрицает и сам Чичерин, заключая: «Если мы взглянем на то, что было высказано в то время в приложении к настоящим жизненным задачам, то мы должны признать, что русская мысль стояла на высоте своего призвания. Вопросы были поставлены верно, цели указаны правильно, сами способы действия были разработаны обдуманно и со знанием дела. Вся программа нового царствования (Александра II – *Г.К.*) была заранее начертана в умах»[44].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ГЛАВА 2. «РУССКАЯ ИДЕЯ» В КОНЦЕПЦИИ МИРОВОЙ ИСТОРИИ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Предельной высоты своего призвания «русская идея» достигли в научном творчестве выдающегося мыслителя Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885 гг.), у которого, по заключению Л.В. Полякова, «русская идея» получила «совершенно новый геополитический смысл»[45]. Наиболее полное определение огромного значения разработанной Данилевским новой теории мировой истории, на наш взгляд, дал И.Н. Страхов: «Заслуга Н.Я. Данилевского, – отмечал он, так велика, что размеров ее мы теперь еще и определить не можем. Он написал книгу «Россия и Европа», которую можно назвать катехизисом, или кодексом славянофилов… С появлением этой книги…. славянофильство теперь существует в форме ясной, строгой, определенной, в такой точной и связной форме, в какой едва ли существует у нас какое-нибудь другое учение[46].

Но, отмечая огромное значение Данилевского как ученого, сосредоточившего в себе всю силу славяно-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

фильской идеи и ставшего кульминационной точкой в развитии этого направления, Страхов совершенно справедливо утверждает, что одним этим вовсе не исчерпывается его бесценный вклад в сокровищницу мировой общественной мысли и русской идеи.

Главную его заслугу Страхов усматривает в том, что его книга «Россия и Европа» есть книга совершенно **самобытная**, отнюдь не порожденная славянофильством, «не составляющая дальнейшего развития уже высказанных начал, а напротив, полагающая новые начала… в которых славянофильские положения содержатся как частный случай… собственно говоря, это вовсе не славянофильство, а **особое учение** Данилевского»[47].

Это «особое учение» Данилевского не ограничивается исследованием истории России и Европы, а содержит в себе новый взгляд на всю историю человечества, новую теорию всеобщей истории, цель которой – «добыть истину, относительно основных начал, на которых должна строиться наука история»[48].

Н.И. Страхову же принадлежит и верный вывод о том, что Данилевский своей работой «Россия и Европа» совершил «переворот» в исторической науке путем внесения в нее естественной системы, где раньше

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

господствовала система искусственная: «Очевидно, – пишет он, – прежний взгляд на историю был искусственный, насильственно подгоняющий явления под формулу, взятую извне, подчиняющий их произвольно придуманному порядку. Новый взгляд Данилевского есть взгляд естественный, не задающийся заранее принятой мыслью, а определяющий формы и отношения предмета на основании опыта, наблюдения, внимательного всматривания в их природу… Тут вера в то, что мир и его явления гораздо глубже, богаче содержанием, обильнее смыслом, чем бедные и сухие построения ума…

…Главная мысль Данилевского чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно интересна. Он дал новую формулу для построения истории… Именно он отверг единую нить в развитии человечества, ту мысль, что история есть прогресс некоторого общего разума, некоторой общей цивилизации[49]».

Как известно, во второй половине XIX века большинство историков, в том числе и русских, разделяли центральное, базовое положение гегелевской философии об историческом процессе как о процессе развития единого мирового духа. Обосновывая логику развития истории как развитие единой человеческой

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

цивилизации, Гегель в то же время утверждал, что мировой дух воплощается не во всех народах, а только отдельных, так называемых всемирно-исторических носителях его, к каковым он отнес германский мир, то есть немецкий народ.

Именно против гегелевской философии истории и выступал гениальный русский мыслитель, разработав собственную методологию исследования и создав в итоге новую формулу истории.

Проделав поистине титаническую и уникальную в своем роде работу по изучению всей мировой истории с акцентом на исследование ее эмпирической стороны, то есть практических результатов той или иной политической мысли в определенный период и определенном месте и сохранив при этом метафизику и философию как базовую основу исторической науки, Данилевский впервые в общественной мысли России всесторонне раскрыл сущность и содержание русской идеи. При этом, однако, «русская идея» Данилевского не опирается на славянофильское учение, а основывается на его собственных, то есть доказанных им началах и новых источниках, на что прямо указывает сам Данилевский: «Учение славянофилов имело двоякий источник: германскую философию, к которой они от-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

носились только с большим пониманием и большей свободой, чем его противники, и изучении начал русской и вообще славянской жизни – в религиозном, историческом, политическом и бытовом отношениях. Если оно напирало на необходимость национального развития, то отчасти потому, что сознавало высокое достоинство славянских начал, а также односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считая, что будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники. Такой задачи, однако же, вовсе не существует»[50].

Являясь представителем естественных, а следовательно, точных наук, Данилевский обратился к изучению истории, оттолкнувшись от вполне конкретной геополитической ситуации, сложившейся во второй половине XVIII века: раздел Польши (1772 г., 1793 г., 1795 г.), по которому Россия возвратила себе исконные свои земли, и так называемый «восточный вопрос», связанный с началом национально-освободительного движения славянских народов и их обращением за оказанием политической помощи к России как единственному окончательно сложившемуся могучему славянскому государству, ставшему центром притя-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

жения всего славянского мира. Эти факты и вызвали негодование правящих кругов Западной Европы, обвинивших Россию в «величайшем преступлении» против народного права, нарушения прав христианской нравственности и, вообще, в колонизаторской сущности Русского государства, которая, якобы, следует из всей истории его образования.

Всесторонне исследуя исторические факты и тот политический контекст, который стоит за ними, Данилевский впервые вводит в свой исторический анализ «русской идеи» понятие *«политика»* в жестком сопряжении его с понятием *«нравственности»* и полностью отвергает все выдвинутые Европой обвинения в адрес России, доказав их логическую, политическую и историческую несостоятельность: «... применение этих правил к межгосударственным и даже международным отношениям, – пишет он, – было бы странным смешением понятий, доказывающих лишь непонимание тех оснований, на которых зиждутся эти высшие нравственные требования. Требование нравственного образа действий есть не что иное, как требование самопожертвования. Самопожертвование есть высший нравственный закон. Но единственное основание для самопожертвования есть бессмертие...

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Но если для человека все оканчивается здешнею жизнью, то, без сомнения, и законы его деятельности не могут ниоткуда иначе почерпаться, как из требований этой же жизни, – из того, что составляет ее сущность, то есть из требований временного спокойствия, счастья, благоденствия, в котором каждое существо находит конечную и даже единственно вообразимую цель своего бытия. Только в том случае, ежели не в этом, заключается внутренняя потребность нашей сущности, духа, как мы его называем, – если в нем содержится нечто иное, неисчерпываемое содержанием временной земной жизни, может быть выставляемо и иное начало его деятельсти, начало нравственности, любви и самопожертвования. Но государство и народ суть явления преходящие, существующие только во времени и, следовательно, только на требовании этого их временного существования могут основываться законные их деятельности. Этим не оправдывается макевиализм, а утверждается только, что всякому – свое, что для всякого разряда существ и явлений есть свой закон.

Око за око, зуб за зуб, строгое право, бентамовский принцип утилитарности, то есть здраво понятой пользы, – вот закон внешней политики, закон отноше-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ний государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования»[51].

Но если это закон внешней политики, которого должны держаться все государства, заключает Данилевский, то именно Россия, в отличие от Европы, никогда его не нарушала, защищая справедливо свои естественные и законные права во всех военных действиях, которые она вынуждена была вести.

В целях доказательства истинности своего базового тезиса Данилевский исследует причины, характер и цели всех известных войн, которые Россия вела со времен Святослава, защищая от внешнего врага свои исконные территории, хотя начинает он свои изыскания с политики в отношении южно-русской степи.

Все южно-русские степи, принадлежащие к русской равнине, были вырваны из рук турок. Спокон веков еще со времен Святослава русичи боролись за них с ордами кочевников. («Зачем же и с какого права занесло туда турецкую власть, покровительствовавшую хищническим набегам?»). То же можно сказать и о Крыме. Хотя он и не принадлежал исстари России, но веками служил убежищем для непримиримых врагов России, поджигавших огнем и посекавших мечом наши южно-русские области, доходя до самой Москвы[52].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Поэтому, справедливо заключает Данилевский, тот факт, что завоевано было Крымское ханство и лишена своей самостоятельности народность (татары), это было «завоевание, которое допускается и Божескими, и человеческими законами, – убийство, совершенное в состоянии необходимой обороны и вместе в виде справедливой казни»[53].

Присоединение Сибири к России также не является «покорением других народов», в чем нас обвиняет Европа. Для того чтобы убедиться в этом, пишет Данилевский, «достаточно подсчитать численность русских и инородцев в Сибири». И тогда станет ясным, что это было главным образом «занятие пустопорожнего места, совершенное (как подсказывает история) казацкой удалью и расселением русского народа почти **без содействия государства**». Разве еще к числу «русских завоеваний», иронизирует Данилевский, причислить Амурский край, никем не заселенный, «куда всякое переселение было даже запрещено китайским правительством»[54].

Присоединение Кавказа, утверждает он, равно как и Сибири, тоже не есть завоевание России «ни по существу дела, ни по форме», поскольку, «Мелкие христианские царства еще во времена Грозного и Го-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

дунова молили о русской помощи, предлагали признать русское подданство и было подание помощи изнемогавшему и погибавшему народу»[55]. И хотя в ходе освобождения христианского населения этих царств от двойного ига (персидского и мелких ханов) Россией были покорены магометанские ханства, которое, пожалуй, можно назвать «завоеванием», но верно отмечает Данилевский, «завоеванные только от этого выиграли»[56].

Раздел шляхетско-иезуитской Польши, по которым Россия вернула себе некогда отнятые у нее Польшей «кровное достояние», Данилевский также считает возвращение этих земель России вполне законным: «… Раздел Польши, – пишет он, – был делом законным и совершенно справедливым, был исполнением священного долга перед ее собственными сынами… Если при разделе Польши была допущена несправедливость со стороны России, то она заключалась единственно в том, что Галич не был воссоединен с Россией»[57].

Вообще, все войны, которые Россия вела до Петра I, подводит итог Данилевский, скрупулезно исследуя каждый исторический факт, велись исключительно за земли, отторгнутые соседними странами

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

«в несчастные времена ее истории». Тем более невозможно обвинить Россию в агрессивных целях, если судить беспристрастно о характере ее войн в XVIII и XIX веках, также всесторонне исследованных Данилевским.

Рассматривая все так называемые европейские войны России, то есть войны не за собственно русские интересы, которые начинаются с правления Павла I, Данилевский приходит к выводу о том, что уже первая такого рода война 1799 года в чисто военном отношении, «едва ли не славнейшая из всех веденных Россией, была актом возвышеннейшего политического великодушия, бескорыстия, рыцарства в истинно мальтийском духе»[58].

Тот же характер имели войны 1805–1807 годов и 1813–1814 годов, когда Россия, идя на встречу (сердцем!) чуждым ей европейским интересам, с «достойным всякого удивления геройством принесла жертвы на алтарь Европы». (Имеются в виду заграничные походы русской армии по освобождению Европы от наполеоновского нашествия).

Совершенно парадоксальным, на первый взгляд, кажется вывод Данилевского об Отечественной войне 1812 года, согласно которому война двенадцатого го-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

да велась Россией не столько в пользу России, сколько «из-за интересов Европы». Несмотря на то, пишет он, что «война двенадцатого года была войной народной, если принимать в расчет те способы ее ведения и те чувства, которые в то время воодушевляли русский народ»[59], Россия (что понял и сам Наполеон) принимает к сердцу европейские интересы ближе, чем свои собственные, свидетельством чему служат многочисленные исторические факты, на которые ссылается Данилевский.

Так, подписав Тильзитский договор с Наполеоном, ошибочно полагавшем, что нашел в лице России союзника, этот договор, или союз, если бы Россия действовала исключительно в собственных интересах, дал бы ей не только всю Галицию, Молдавию и Валахию, но и Болгарию. Более того, договор давал возможность образовывать независимое Сербское государство с присоединением к ней Боснии и Герцоговины и получить даже самое герцогство Варшавское, так как, по выражению Наполеона, «удовлетворяя Россию за счет Польши, мы имеем средство унизить Австрию, обратить ее в ничто»[60]. А поскольку этот факт соответствует сложившимся политическим реалиям 1807–1812 годов, то вывод Данилевского о том, что Россия «приняла

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

на свою грудь грозу двенадцатого года из-за европейских интересов», и что двенадцатый год «был собственно великой политической ошибкой, обращенной духом русского народа в великое народное торжество», является совершенно справедливым.

Столь же справедливым представляется и тезис Данилевского о том, что России ничего не стоило в 1813 и 1814 годах «повторить Тильзит с Наполеоном», союз, которого всеми мерами домогался Наполеоном у Александра I, стремясь «заполучить» военный гений Кутузова, мощь и силу духа русской армии. Но Россия в угоду интересам Европы не пошла на новый Тильзит[61].

Более того, Россия ничего не взяла для себя и через четырнадцать лет после Парижского мира 1815 года, когда ей пришлось вести войну с Турцией (1828–1829 гг.) и русские войска, перейдя через Балканы, стояли у ворот Константинополя и вновь получили возможность присоединить к себе Молдавию и Валахию.

Действительно, Турция, поставленная русской армией на грань полного военного разгрома, сама предлагала России взять эти княжества в счет недоплаченного ее долга, а обессиленная финансово Европа прямо отдавала Турцию на милость и великодушие России. Но Николай I «отказался и от того, и от другого».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Продолжая перечень неопровержимых фактов, подтверждающих полное бескорыстие России в отношении Европы, Данилевский останавливается также на потрясениях (революционных) 1848 года в Европе. Именно благодаря военной помощи России была спасена от верной гибели Венгрия, и Россия, войска которой заняли Молдавию и Валахию, вполне могла объявить войну Турции, хорошо зная, что балканские славяне поднялись бы на борьбу с османским игом по первому же слову России. Но Россия вновь не воспользовалась благоприятнейшей военно-политической ситуацией для достижения своих целей, а именно: освобождение славян от османского ига.

Не воспользовалась Россия и ситуацией, сложившейся накануне Крымской войны в 1853 году, когда в условиях неготовности к войне и самой Турции, и западных держав, она могла первой «двинуть свою армию и флот», результаты чего могли бы быть самыми противоположными тем, которыми закончилась Крымская война.

Подводя итог своему всестороннему исследованию внешней политики Русского государства с начала его образования, Данилевский приходит к главному выводу: «Итак, – заключает он, – состав Русского

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

государства, войны, которые оно вело, цели, которые преследовало, а еще более – благоприятные обстоятельства, столько раз повторяющиеся, которыми оно не думало воспользоваться, – все это показывает, что Россия не честолюбивая, не завоевательная держава, что в новейший период своей истории она большею частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейским интересам, – часто даже считало своей обязанностью действовать не как самобытный организм (имеющий свое самостоятельное назначение, находящий в себе самом достаточное оправдание всем своим стремлениям и действиям), а как служебная сила»[62].

Однако, констатирует Данилевский, несмотря на жертвенность России и русского народа, фактически спасшего Европу в XIX веке, в общественном мнении Запада Россия, как и в прежние века, – это «темная, мрачная сила», «гасительница света и свободы», страна «мрачного абсолютизма Севера», «дикий, варварский мир», который достоин не более, чем презрения. Сублимацией этой ненависти и презрения к России может служить мнение известного немецкого историка Ротека, высказанное в его работе «История», на ко-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

торую ссылается Данилевский: «…всякое преуспевание России, всякое развитие ее внутренних сил, утверждение ее благоденствия и могущества, – утверждает он, – есть общественное бедствие и несчастье всего человечества»[63].

Для выяснения причин этого недоверия, несправедливости и ненависти к России со стороны правительств и общественного мнения Европы Данилевский вновь обращается к фактам политической истории.

Анализируя бесчисленное множество самых строгих и неопровержимых фактов, Данилевский приходит к выводам, не только раскрывающим несостоятельность обвинений в адрес России, но и доказывающим, что главным источником всех несчастий и бедствий Европы является сама Европа.

Учитывая то обстоятельство, что как западные, так и отечественные русофобствующие оппоненты Данилевского намеренно и упорно игнорируют вторую главу его работы «Россия и Европа», в которой он выясняет причины вековой ненависти Европы к России, а именно в ней сосредоточена основная источниковая база, раскрывающая причины ненависти Европы к России, мы, насколько возможно полно, реконструируем историко-политическую аргументацию данную Данилевским

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

в этой главе. Примем во внимание и тот факт, что именно эти причины в решающей мере породили в России и революцию 1917 года, и революцию 1991 года, продолжая действовать (без особого препятствия) в том же направлении и сегодня.

Начнем с опровержения Данилевским обвинения в том, что Россия – это темная, мрачная сила, гасительница света и свободы в Европе. Это голословные обвинения строятся только на том, что в период французской революции и наполеоновских войн Россия вступила в европейскую политику. Опровергая клевету, Данилевский выстраивает следующую систему доказательств: «Если французская революция считается светильником свободы, то гасить и заливать этот светильник спешила вся Европа, и впереди всех – конституционная и свободная Англия. Участие России в этом общем деле было кратковременно и незначительно. Победам Суворова, впрочем, рукоплескала тогда вся Европа. Войны против Наполеона не были, конечно, да и не считались войнами против свободы. Эти войны окончились, и ежели побежденная Франция тогда же получила свободную форму правления, то была обязана этим единственно императору Александру. Во время войны за независимость многие государства обещали своим подданным конституцию,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

и никто не сдержал своих обещаний, кроме опять-таки императора Александра относительно Польши[64]».

Несостоятельными являются и обвинения России в ретроградстве и реакционности ее мер, связанных с образованием «Союза трех императоров» («Священный союз»). Этот «Священный союз» выставляется Европой как самое тяжкое преступление России против цивилизованных народов. А между тем, по первоначальному замыслу, принадлежащему Александру I, «Священный союз» не предполагал никаких «утеснений» народов. Напротив, выступая против революции, император Александр, утверждает Данилевский, «стоял за конституционный принцип везде, где народное развитие допускало его применение»[65], а по мнению немецкого ученого Гервинуса, на дипломатических конгрессах двадцатых годов наиболее умеренным и либеральным был голос именно Александра.

Выясняя истинного виновника наступления реакции в европейских странах во второй половине XIX века, Данилевский, базируясь на конкретных многочисленных фактах, пришел к выводу о том, что «корнем всех реакционных, ретроградских мер» того времени была вовсе не Россия, а Австрия и её правитель Меттерних, «который опутал всех своими сетя-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ми, в том числе и Россию, заставил последнюю отказаться от её естественной и национальной политики… отказаться вопреки всем её преданиям, всем её интересам, всем сочувствиям её государя и народа»[66].

Так, именно по инициативе Меттерниха все конгрессы «Священного союза, состоявшиеся в 1820–1822 гг., принимали решения о вмешательстве во внутренние дела других европейских стран, например Испании и Итальянского королевства, в то время как Россия одна из первых признала Итальянское королевство. Более того, под сильнейшим давлением Меттерниха Россия резко изменила свое отношение к традиционно дружественной Греции и в целом свою национальную политику, а к концу своего правления Александр I опять же под давлением Меттерниха пересмотрел свое отношение к Магницкому и министру народного просвещения Шишкову, пресекших разлагающее влияние иллюминатов на российские университеты.

Как известно, во времена правления Александра I широкомасштабная, антироссийская деятельность иллюминатов и масонских сект на территории Российской империи, являясь составной частью внешнеполитического курса европейских стран по отношению к России, преследовала решение следующих задач:

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

1) усиление и умножение в России числа масонских лож, тайных обществ и сект, произвольно толкующих библию в духе Апостольской церкви; 2) всемирное распространение в России книг, направленных против православной церкви; 3) беспредельная свобода всех вероисповеданий, способствующих росту недоверия к православию в России; 4) открытое преподавание в российских университетах иллюминатских учений.

Разработав тайный план захвата власти в России, «Совет иллюминатов», президент «Английского библейского общества» и глава американской методической церкви Р. Ватсон использовали Александра I как удобное орудие для осуществления своих антироссийских замыслов. Завершилась деятельность этих тайных обществ и масонских сект восстанием декабристов и таинственной смертью Александра I. Однако выкопать в России глубокий ров между троном и алтарем им не удалось, поскольку на русский трон взошел Николай I, взявший консервативный курс во внутренней и внешней политике России.

Но и во времена царствования Александра II, когда либеральные реформы следовали одна за другой, а на европейские дела Россия не оказывала ни малейшего давления, даже напротив, «употребляла» свое

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

влияние в пользу всего либерального в Европе, также не произошло никаких изменений в европейской политике по отношению к России: в общественном мнении и правительственных кругах Запада Россия по-прежнему оставалась «врагом свободы человечества». Вообще, пишет Данилевский: «Все самобытное, русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу европейской цивилизации»[67].

Для доказательства истинности своего вывода Данилевский обращается к отзывам западных путешественников по России, к европейским газетам, характеру отношений европейских политиков к русскому правительству и множеству других фактов, проливающих свет на отношение Европы к России и русскому народу за все последние четыре столетия (XVI–XIX вв.): «Прочитайте отзывы путешественников, пользующихся очень большой популярностью за границей, – пишет он, – вы увидите в них симпатию к самоедам, корякам, якутам, к татарам, к кому угодно, только не к русскому народу… Вы увидите, что во всех этих разнообразных сферах господствует один и тот же дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения»[68]. Таким об-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

разом, верно заключает Данилевский, русский человек в глазах европейца может претендовать на человеческое достоинство только тогда, «когда он потерял уже свой национальный облик».

Но, если это так, то чем объясняется тот факт, что Европа из века в век культивирует подобную ненависть и презрение к русскому народу и славянству в целом, а уничтожение русской цивилизации объявляется священной целью европейской цивилизации?

Главная причина веками складывающейся геополитической ситуации, по глубокому убеждению Данилевского, заключается в том, что Европа «видит в Руси и славянстве не чуждое только, но и враждебное начало… Она (причина – *Г.К.*) лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели… Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию… Явление, касающееся всех сфер жизни, от политических до обыкновенно житейских отношений, распространенное во всех слоях общества, притом не имеющее никакого фактического основания, может недриться только в общем инстинктивном созна-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

нии той коренной розни, которая лежит в исторических началах и исторических задачах племен. Одним словом, удовлетворительное объяснение как этой политической несправедливости, так и этой общественной неприязненности можно найти только в том, что Европа признает Россию и славянство чем-то для себя чуждым, и не только чуждым, но и враждебным»[69]. Выявив истинную причину ненависти Европы к русскому народу и славянству в целом, Данилевский не видит никаких оснований усматривать в данном явлении какой-то племенной, этнографический предрассудок, который может исчезнуть со временем. Напротив, как показывает историческое время и подтверждает европейская политика, это явление даже укрепляется из века в век.

Таким образом, первый итог фундаментального исследования Данилевского с полнейшей убедительностью показал, что в содержание «русской идеи» в качестве непременной ее компоненты должна входить **политика:** «Нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развивалась без политической самостоятельности»[70].

Второй важнейшей компонентой в «русской идее» Данилевского выступает специфика славянского культурно-исторического типа. Понятие *«культур-*

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

но-исторический тип» в концепции мировой истории Данилевского – это принципиально новая идея для исторической мысли девятнадцатого века и новая компонента в исследовании истории «русской идеи».

Располагая их в хронологическом порядке, Данилевский выделяет следующие культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилоно-финикийский; халдейский, или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) новосемитический, или аравийский; 10) германо-романский, или европейский; 11) славянский. «Только народы, составляющие эти культурно-исторические типы, – пишет Данилевский, – были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенностях внешних условий жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу»[71].

Основанием введения Данилевским в схему исторического процесса культурно-исторических типов послужили историко-культурные факторы и особенности условий, в которых протекает их развитие. Рассматри-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

вая весь ход мировой истории и схему ее периодизации (древняя, средняя и новая история), он, как мы уже отмечали, пришел к выводу о том, что это была искусственная, а потому и ошибочная схема, поскольку она нарушает все основные требования, предъявляемые в науке к любой естественной системе, а человечество есть естественная система. К числу обязательных требований в науке относятся следующие:

1) принцип деления должен охватывать всю сферу делимого;
2) явления (предметы) одной группы должны иметь между собою больше сходства, нежели явления (предметы), отнесенные к другой группе;
3) группы должны быть однородны, то есть степень сродства, соединяющая их членов, должна быть одинакова в одноименных группах.

Но так как данные требования официальной исторической наукой в принятой ею схеме периодизации всемирной истории были грубо нарушены, то в результате история европейской цивилизации стала отождествляться с историей всего человечества и произошло, по выражению Данилевского, «совершенное искажение пропорций исторического здания», потеряв всякую соразмерность.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Более того, термины «древняя», «средняя» и «новая» история теряют вообще всякий смысл, если их применять не к истории отдельных цивилизаций, а ко всей мировой истории.

Раскрывая полную несостоятельность и «уродливость» принятой в исторической науке искусственной системы периодизации и пагубность последствий этой схемы, Данилевский представил оригинальную и убедительную систему доказательств, прибегнув к методу постановки вопросов, содержащих принципы, отвечающие требованиям, предъявляемым к любой отрасли науки.

Вопросы *первого* принципа: если мы в качестве основания отделения древней истории от средней и новой возьмем принятое в исторической науке падение Римской империи, то какое дело Китаю и Индии до ее падения, поскольку они-то продолжали жить и развиваться, как «если бы Рима и вовсе не было на свете»? Пала или не пала бы Римская империя, «неодинаково ли бы произошел религиозный переворот в Аравии», имевший для нее огромное значение? Почему падение Римской империи совершенно произвольно соединило в одну группу явлений судьбы Египта и Греции, уже и без того и до того павших, с судьбами Китая и Индии, которые, как уже говорилось, про-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

должали жить и развиваться? Почему даже само христианство (если христианство принять за главную разделяющую историческую грань), которое со временем становится исторической гранью судеб каждого народа в различное время, не спасло Рим от падения? Одним словом, составляет ли падение Римской империи такой принцип деления, «который обнимал бы собою всю сферу делимого?»

Ответ на все поставленные вопросы будет, очевидно, отрицательным, поскольку, как показывают факты развития всемирной истории, нет вообще такого общечеловеческого события, которое могло бы разделить «судьбы всего человечества на какие бы то ни было отделы». Но, если это так, то отсюда следует, что деление истории на древнюю, среднюю и новую **не удовлетворяет** первому требованию естественной системы развития истории, поскольку, собственно говоря, и Рим, и Греция, и Индия, и Египет, и Китай, равно как и все другие народы, имеют свою собственную древнюю, среднюю и новую историю.

Точно также в старой искусственной схеме развития мировой истории, утверждает Данилевский, было допущено нарушение и *второго* принципа науки, согласно которому, повторяем, явления одной

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

группы должны иметь между собою больше сходства, чем явления другой группы. В самом деле, неужели история Рима и Греции имеет больше связи, аналогий и сходства с историей новейшей Европы? Ответ будет очевидно отрицательным и здесь.

Но всю «неверность и уродливость» принятой искусственной схемы всемирной истории, считает Данилевский, особенно отчетливо демонстрирует нам нарушение *третьего* принципа науки, состоящего в том, что степень сродства должна быть одинакова в одноименных группах одного порядка. А между тем по этой схеме в группе древней истории соединены Египет, Индия, Китай, Вавилон, Ассирия, Иран, Греция и Рим, которые проходили совершенно различные ступени развития. В то же время ступени развития одного и того же романо-германского племени отнесены к различным группам – к средней и новой истории, хотя в реальной естественной истории они представляют одну и ту же группу явлений, так как новая романо-германская история в действительности есть либо развитие начал, заложенных в средние века, либо же их отрицание, но совершаемых в той же самой среде, где исторические персонажи, начав свою деятельность в так называемые средние века, заканчива-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ют ее в так называемой новой истории. В результате, не только Катон и император Константин, Перикл, и Феодосий Великий, но даже император Фоги, фараон Рамзес и царь Соломон оказались соеденены в одну группу с Эпиминондом и Гракхами, а Р. Габскурский – с императором Максимилианом, Филипп Красивый – с Людовиком XI и Ришелье; даже султан Баязид – с султаном Солиманом, которые делали одно и то же дело, «тем же плугом ту же борозду проводили», разнесены в разные века истории, так сказать, в разные возрасты человечества. Не совершенно ли это то же самое, что соединять ворону с устрицей, только потому, что ни у той, ни у другой четырех ног нет?»[72]

Наконец, Данилевский ставит последний вопрос: разве история Европы при всем своем великом влиянии Рима на образовавшиеся на его развалинах романо-германских и чисто германских государств, «есть дальнейшее развитие начал исчезнувшего римского мира?»

Поскольку ответы на все поставленные Данилевским вопросы могут быть только отрицательными, поскольку отсюда им делается вполне естественный вывод: существующая (кстати, до сих пор!) неверная схема развития мировой истории без учета **качества** привела к ложному пониманию исторических явле-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ний. Поэтому только введение в процесс познания истории понятия культурно-исторического типа, включающего категорию качества, дает нам возможность в полном объеме определить содержание и суть «русской идеи» как одно из такого рода явлений качества.

Согласно теории Данилевского, все культурно-исторические типы соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам, или племенам человеческого рода. Семь таких племен, или семейств принадлежат к арийской расе. Славянское племя составляет седьмое из этих арийских семейств народов.

В основу деления народов на типы Данилевский положил следующие критерии: 1) психический строй; 2) вероисповедание; 3) историческое воспитание; 4) основные стороны культурно-исторической жизнедеятельности народов, где они достигли наибольших результатов.

Исследуя этнографические, или племенные качества, которые выражаются в особенностях психического строя народов, он приходит к выводу о том, что общей (коренной) чертой для всех романо-германских народов является **насильственность,** которая есть ничто иное как чрезмерное развитие чувства личности, индивидуальности; это есть особый склад ума,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

чувства и воли, приводящей в политике и общественной жизни, к безграничной свободе, к угнетению других народностей, политическому дроблению, а в религии – к нетерпимости, расколу и «отвержению».

Именно благодаря духу насильственности европейских народов христианство, которое не содержит в себе никаких зародышей насильственности, но, «прилаживаясь» к коренному свойству этих народов, было расколото на две части – католичество и православие, а католическая церковь, заимствуя и подчиняясь этому духу нетерпимости и насильственности, «похитило и узурпировало актом насилия права целого», то есть церкви Вселенной, превратив Римского папу в «уполномоченного Духа вечности». Именно насильственность как коренная черта психического строя европейцев привела к созданию рыцарских орденов, появлению несвойственного христианству прозелитизму, «тонкому насилию иезуитизма, к грубым насилия инквизиции», породила не менее насильственный протестантизм и пуританство как образец религиозной нетерпимости. Именно насильственность психологии европейских народов породила «колониальную горячку», превратив колониальную политику и колониальные завоевания в свой главный интерес (одновременно с Реформацией и долго после нее).

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Не в меньшей силе, чем в религии и колониальной политике, насильственный характер европейских народов проявился и при решении ими вопросов гражданской и политической свободы в эпоху европейских революций: неустанная деятельность гильотины, лионские расстрелы, нантские потопления, а также внешние войны – вот те средства, которыми они с мечом в руках проповедовали идеи равенства, братство и свободы.

Тот же дух **насилия** этих народов лежит и в основе, казалось бы, совершенно мирных форм, или сторон жизнедеятельности – торговли и промышленности. От этой насильственности европейские народы не смогли избавиться даже в XIX век – век просвещения и гуманности. Достаточным подтверждением последнего может служить Англия, обогащающаяся целенаправленной контрабандной торговлей наркотиками в Китае, пытаясь ради своих корыстных материальных интересов поставить под удар жизнь и здоровье народа огромной империи, что, как известно, и привело к двум опиумным войнам Англии с Китаем.

Точно такая же насильственность проявилась и в отношении западных государств к угнетенным Турцией славянским народам: эгоистические и чисто коры-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

стные интересы европейских держав заставила их всеми мерами (в том числе и военными) противостоять освобождению славян и сохранению турецкого варварства, принося в жертву новому Молоху свободу, честь и жизнь славян.

Прямую противоположность европейскому психическому строю народов, основанному на насилии, Данилевский усматривает в психическом строе русского народа. Отвергая теории своих именитых оппонентов, в частности, известного немецкого ученого М. Вебера, разделившего сословия, государства, общества и, соответственно, все классы и народы на «ученое», «военное» и «кормящее», а также мнение антропологов, в частности, Ретциуса, положившего в основу различия народов физиологию, основываясь на чем они проводили резкую черту между славянскими и романо-германскими народами, относя славян к числу «низших племен» человеческого рода и обрекая их на роль «служебного этнографического материала», годного только на физический труд в пользу «высших племен», Данилевский, используя свой гигантский запас исторических фактов и поистине неиссякаемый полемический арсенал, раскрыл полную несостоятельность этих теорий в вопросах психологии различных народов.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

С его точки зрения, для русского народа во все времена «коренною чертой являлась **терпимость**»; «он не ожидал проповеди энциклопедистов, чтобы сделаться терпимым»: он был таковым всегда, что подтверждается бесчисленным множеством фактов русской истории, исполненной тяжкими испытаниями, выпавшими на его долю.

Мы остановимся только на некоторых ключевых моментах русского исторического процесса, на которые ссылается Данилевский в качестве доказательства достоверности своего вывода.

Первым из таких моментов русской истории является принятие Русью христианства мирным путем без грубого насилия и грубой пропаганды. Такой путь принятия христианства русским, как и всеми славянскими народами, он объясняет самим характером русских и вообще славян, чуждых насильственности, исполненных мягкости, покорности, почтительности, что в наибольшей степени соответствует идеалам самого христианского учения, от которого «веет кроткостью духа».

Грустное исключение из славянских народов составляют, по его мнению, только поляки, точнее, польское шляхство: усвоив европейскую насильственность и приняв католичество, оно превратилось в «ренегатов»

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

славянства во всех отношениях. Проявляющиеся чрезвычайно редко и в самой русской истории черты религиозной нетерпимости, как например в случае со старообрядцами, Данилевский объясняет данное явление влиянием католического духовенства, которое само терпя непрестанные гонения от латинства, невольно заразилось духом католической нетерпимости и передало его Московскому государству. Но по сравнению с европейскими религиозными гонениями, эти гонения на Руси представляются лишь «слабым и бледным отпечатком» и делятся на два периода: в первый период (до Петра) они были действительно религиозными, а во второй период (после Петра) носили исключительно политический характер: старообрядчество преследовалось как наиболее системный и сильный протест русского народа против засилья иноземцев в высших кругах управления страной. Но больше таких примеров в русской истории, верно отмечает Данилевский, нет вообще. Напротив, все явления русской исторической жизни подтверждают поразительную терпимость русского народа.

Природная терпимость и гуманность русского человека как коренная черта его психологии отражается и в русском законодательстве относительно смертной казни: начиная со времен В. Мономаха, то

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

есть раннего средневековья (по старой схеме истории), в разгар европейского варварства на Руси была отменена смертная казнь. В целом, смертная казнь в русском законодательстве вплоть до конца XIX века носила характер необходимой обороны и, если она и вводилась в законодательство в случае угрозы безопасности России извне, то, как только эта угроза прекращалась, отменялась вскоре и смертная казнь.

Ту же терпимость, гуманность и истинно христианский характер русский народ проявляет и по отношению к подвластным России народам, причем до такой степени, что это «нередко обращается в несправедливость к самому коренному русскому народу». Точно такой же характер (как уже было выше показано) имеет и вся внешняя политика России, побуждавшая народ жертвовать своими интересами интересам чужим.

Другая отличительная черта психологического строя русского народа, которую К.С. Аксаков назвал *«житием»*, наиболее отчетливо проявилась в особенностях протекания коренных переворотов в России, а именно: если на Западе они проходят все стадии борьбы нового со старым, то в России эти великие события, или перевороты в жизни общества и государства «как бы не имеют предшественников», поскольку

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

то, что предшествует перевороту есть процесс чисто внутренний, «проходящий в глубине народного духа незримо и неслышимо». Этот процесс Данилевский назвал *«внутренним перерождением»*, психологически переводящим русского из одного нравственного состояния в другое, высшее, процесс, о котором повествуют многие сказания о жизни русских христианских подвижников, а также свидетельствует множество переломных событий в русской истории.

Конкретным примером тому может служить призвание варягов. Это событие, по выражению Данилевского, «казалось бы из ряда вон выходящее», произошло совершенно мирным путем, «и раз избранной власти народ русский остается верным в течение всей своей исторической жизни»[73].

Еще одним убедительным примером может служить период смуты на Руси и освобождение страны от польского засилья, грозившей гибелью Русского государства. Конец смуты, согласно Данилевского, есть классический пример той глубокой внутренней работы русской души, выразителем которой стал подвиг К. Минина.

Но очевиднее всего эта особенность психического строя русского народа выразилась в акте освобож-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

дения крестьян по реформе 1861 года. Все совершилось невероятно быстро и с невероятным успехом: крестьяне не просто освобождались на европейский лад, а наделялись землей, и все это без борьбы, без сопротивления с какой бы то ни было стороны. В таком благополучном исходе этого великого перелома были уверены все: и царь, и народ, и дворяне, все, кто хоть сколько-нибудь знавший особенности психологического строя русского народа, поскольку этот процесс «внутреннего перерождения» во всех слоях общества произошел прежде отмены крепостного права.

Отсюда, из особенностей психического строя русского народа Данилевский приходит к двум важнейшим выводам, которые, на наш взгляд, можно считать ключом, открывающим замок русской души, или то, что для европейских народов является «загадкой» русской души, которую «умом не понять».

Первый вывод состоит в том, что в русской исторической жизни, в отличие от западной, «главную двигательную силу русского народа составляет не интерес, а внутреннее нравственное сознание», медленно, но постоянно работающее в его духовном организме и всецело охватывающее его, когда наступает время для его внешнего обнаружения, то есть практи-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ческого осуществления, что происходит во время торжественных мгновений его жизни [74].

Второй важнейший вывод Данилевского заключается в том, что особенностью развития русского народа является перевес элемента общенародного, общественного над элементом личным, индивидуальным. Поэтому, если англичанин немец, француз, перестав быть англичанином, немцем, французом, может остаться ещё «замечательной личностью», то **«русский, перестав быть русским, обращается в ничто – в негодную тряпку»**…[75]

Наконец, исследуя некоторые нравственные качества различных народов, Данилевский также находит в них значительные отличия, которые он делит на три группы: качества благости, справедливости и чистоты.

Первая из них, справедливо утверждает Данилевский, не может быть чертой какой-нибудь характеристики народа, поскольку она – «суть венец личных добродетелей». Но обе последние группы нравственных качеств есть качества общественные, так как они обуславливают собою характер взаимных отношений между людьми. Не нужно большой наблюдательности, чтобы признать «в первых по преимуществу свойства славянского, а во вторых – свойства германского народного характера».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Выявив различия в психическом строе народов, в верованиях, в воспитании и в нравственных качествах разных народов, Данилевский выясняет и общие (высшие) категории, или стороны деятельности культурно-исторических типов, которые уже совершили своё дело или явно обозначили свое направление деятельности и которые охватывают все разнообразие исторической жизни народов, обозначаемые понятием «культура» и «цивилизация». С его точки зрения таковых категорий деятельности насчитывается «не более и не менее четырех», а именно:

1. Деятельность религиозная, охватывающая собою отношение человека к Богу, понятие человека о своей судьбе и его отношении к общим судьбам человечества и Вселенной. Иначе говоря, деятельность религиозная означает народное мировоззрение как твердая вера, составляющая основу всей нравственной деятельности человека.

2. Деятельность культурная в тесном значении этого слова: теоретически-научная; эстетически-художественная; технически-промышленная.

3. Деятельность политическая, охватывающая собою отношение людей между собой как членов од-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ного целого, и отношение этого целого как единицы высшего порядка к другим народам.

4. Деятельность общественно-экономическая, охватывающая отношения людей между собою не непосредственно как нравственных и политических личностей, а опосредованно, то есть применительно к условиям пользования предметами внешнего мира.

Выявив главные категории деятельности культурно-исторических типов, жизнь которых составляет содержание всемирной истории, Данилевский исследовал и вопрос о том, в какой мере каждый из этих типов проявил себя в той или иной деятельности, а также каковыми оказались достигнутые в ней результаты.

Первые культуры – египетскую, вавилонскую, китайскую, индийскую и иранскую он верно определил как аутохтонные, или первобытные, поскольку здесь и религия, и политика, и культура, и общественно-экономическая организация еще не выделились в особые категории деятельности, находясь в смешении. Поэтому, считает Данилевский, неверно приписывать этим цивилизациям специально-религиозный характер: астрономические занятия халдейских жрецов, геометрические занятия египетских жрецов были такими же священнодействиями, как и совершение ре-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

лигиозных церемоний, а в Китае, например, даже земледелие считалось священным действием.

Точно также здесь смешивалась наука и политика. В Индии, как известно, духовная каста (брамины) были совершенно чужды политического честолюбия, требуя для себя только почета, а не власти, равно, как и египетские жрецы. Поэтому несправедливо называть древние Египетское и Индийское государство теократиями. Следовательно, заключает Данилевский, это были культуры подготовительные, выработавшие те условия, при которых вообще становится возможною жизнь в организованном обществе.

Переходя к исследованию собственно уже сложившихся культурно-исторических типов, Данилевский делит их на одноосновные и многоосновные типы в зависимости от того, какая категория деятельности в нем преобладала.

Исключительно религиозную категорию деятельности в исторической жизни народов представила еврейская цивилизация. «Только религиозная деятельность еврейского народа и осталась заветом его потомству», а все другие стороны деятельности остались в пренебрежении и в них «евреями не произведено ничего, заслуживающего внимания их современников и

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

потомства»[76]. Так, в науке, искусстве и технике они были столь слабы, что даже для постройки и украшения храма Иеговы (центр народной жизни евреев) они вынуждены были прибегнуть к помощи финикийцев, а их политическое устройство было до того несовершенно, что еврейский народ не мог даже сохранить свою независимость, став народом рассеянным по всему миру. Но зато религиозная сторона их жизни и деятельности была столь возвышена, что этот народ по справедливости стал называться богоизбранным. Таким образом, еврейский культурно-исторический тип – это тип *одноосновный*, заключает Данилевский.

Одноосновным, по его теории, является и эллинский тип: если еврейская культура была исключительно религиозной, то тип эллинский был типом преимущественно художественно-культурным. Можно даже сказать, замечает Данилевский, что в самом психическом строе древних греков «не было пригодной почвы», на которой могла бы развиваться экономическая, политическая и религиозная сторона человеческой деятельности.

Что касается общественно-экономической стороны деятельности греков, то здесь Данилевский буквально одним штрихом раскрыл их полную несостоя-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

тельность: «Народ, – пишет он, – у которого рабство было не только случайным, временным явлением… а фундаментальным фактом, на который опиралась вся их политическая и умственная жизнь, со всею ее философскою гуманностью и эстетической роскошью, такой народ не мог содействовать развитию социально-экономической идеи»[77].

Столь же несостоятельными оказались греки и в политическом отношении: они даже не смогли подняться до сознания необходимости политического единства своего племени, хотя и сознавали себя особою культурной единицей в противоположность всем остальным народам-варварам. Только персидская угроза, создав общую опасность для греческих городов-государств, зажгла в них общий греческий патриотизм, но и то «весьма несовершенным образом» (предательство пелопонесцев, измена спартанцев, трусость Аргоса и т. д.). Однако как только опасность прошла, прошел и патриотический энтузиазм, а политическая история Греции вновь обращается в историю внутренних раздоров и междоусобных войн по самым жалким и ничтожным причинам. Так, из-за своих эгоистических интересов, руководствуясь «узкой идеей преобладания», спартанцы ищут помощи персов; знаменитый Демо-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

сфен, не понимая положения вещей и не поднявшись до постижения общегреческой идеи, увлекает афинян на гибельный путь сопротивления Филиппу, а афиняне, столь же лишенные политического смысла, следуют не за Фокионом, а за Филиппом. Закончилось это отсутствие общегреческой идеи покорением Греции Римом.

Исследование Данилевским религиозной составляющей деятельности греческого культурно-исторического типа для нас представляет особый интерес, поскольку по Указу патриарха Никона, осуществившего реформу Русской православной церкви, православные священные (богослужебные) книги на Руси исправлялись именно по греческим образцам, что самым трагическим образом повлияло на судьбу «русской идеи» в процесс дальнейшего её осмысления.

Действительно, всесторонне исследовав религиозное мировоззрение греков, Данилевский дает ему совершенно уничтожающую характеристику. По его теории, религиозное мировоззрение греков есть «одно из самых мелких и жалких», лишенное истинного смысла и чувства. Из трех сторон религии (догматика, этика и культ) только последняя – культ имеет действительное значение. Догматика же греков не представляет ни глубины, ни стройности. Более того, она

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

«не имеет даже никакого содержания», поскольку не заключает в себе ни метафизики, ни космогонии, ни учения о духовной сущности мира, ни теории его происхождения, а высшая идея, до которой только и смогло подняться религиозное мировоззрение греков, «состоит в слепом, бессознательном фатуме, в олицетворении закона физической необходимости».

Столь же бедна, согласно Данилевского, и религиозная этика греков, поскольку она не содержит даже свода нравственных правил, освещенных высшим божественным авторитетом, а история похождения их божеств, которая могла бы заменить нравственный кодекс живым примером, «есть, скорее, школа безнравственности и соблазна». Вообще, религия в греческой жизни играла столь «невидную роль», что никогда не имела своего священного писания, а Библия для греков не имела никакого авторитета. Поэтому неслучайно греческая религия на языке всех народов носит название «мифология», которая не служит чему-то высшему и сокровенному, а сама по себе цель, одним словом, «тело без души», что и нашло свое отражение в художественном творчестве этого народа.

Художественная, эстетическая сторона культурной деятельности греков – это и есть *единственная*

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

основа греческого культурно-исторического типа. В этой деятельности они превзошли все народы. Однако художественные типы прекрасного, созданные в Греции на основе материалов религиозных сказаний, лишены всякого таинственного и нравственного значения сообразно самой их религии. Поэтому и теоретически-научное, и эстетически-художественная деятельность греков (философия и скульптура прежде всего) есть нечто иное, как «поклонение самодовлеющей красоте» и эпикуризм, ставший особенностью греческого мировоззрения, а их эстетика, все их искусство базируются скорее на принципе наслаждения жизнью, чем на нравственно-религиозном начале, сущность которого всегда заключается в самопожертвовании, а не в наслаждении. Таким образом, греческий культурно-исторический тип также является типом *одноосновным*.

Столь же односторонен, как греческий и еврейский, по теории Данилевского, был и римский тип, с успехом развивший только одну сторону человеческой деятельности – политическую, но в этой деятельности римляне не имеют себе подобных. Кристаллизуя вокруг себя племена Лациума, они постепенно, систематически, а не «завоевательными

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

порывами» подчиняют себе весь бассейн Средиземного моря и всю западно-европейскую окраину Атлантического океана. Будучи народом свободолюбивым римляне, однако, не потеряли дара подчинять свою личную волю воле общей, что и позволило им сообразно возрастанию государства менять форму правления: от демократии – к диктатуре, от республики – к империи. Независимо от того, сколько было в Риме императоров слабых и ничтожных, но только благодаря политическому смыслу (способности и интуиции) римлян диктатура там становится не политической случайностью, а «правильным» институтом, а империя делается учреждением вполне народным.

Рассматривая религию римлян как одну из составляющих культурно-исторического типа, Данилевский приходит к выводу, что у римлян, равно как и у греков, религия была бедна внутренним содержанием, лишена глубокого догматического и эстетического содержания и смысла и также лишена Священного писания. Естественным результатом этой бессодержательности стал тот «индифферентизм», с которым римляне относились к божествам покоренных ими народов: боги этих народов становились богами Рима, «так сказать, их переводами» (Юпитер – Зевсом, Нептун – Посейдоном и т. д.). Суще-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ственное отличие религии римлян от религии греков Данилевский усматривает лишь в том, что сообразно основной черте психического строя римлян и, соответственно, основным свойствам их мировоззрения и культуры религия римлян получила исключительно эстетический характер. Поэтому только те учения, которые не могли подчиняться такому взгляду на религию, не могли поклоняться «обожествленному Римскому государству» и претерпевали религиозные гонения.

Культурная деятельность Рима (в тесном смысле этого слова), по теории Данилевского, также совершенно незначительна: в науке, в философии и в искусстве (за исключением архитектуры) «Рим не производит ничего оригинального». Данилевский не выясняет причины такой «непроизводительности», для него достаточно самого факта.

Что касается последней составляющей культурно-исторического типа Рима – деятельности общественно-экономической, то, поскольку здесь рабство являлось фундаментом общественного строя, постольку, равно как и в Греции, народ Рима не мог содействовать развитию социально-экономической идеи. Следовательно, и римский культурно-исторический тип был типом *одноосновным*.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Но, если это так, заключает Данилевский, если цивилизации, последовавшие за первобытными автохтонными культурами, развивали каждая только одну из сторон культурно-исторической деятельности (еврейская – религиозную, греческая – культурную, а римская – политическую), то все эти типы являлись *одноосновными*.

Гораздо более высокую и более сложную ступень развития, по теории Данилевского, представляет в мировом историческом процессе европейский, или романо-германский культурно-исторический тип.

Отметив, что обстоятельства времени (распад Римской империи и образования новых государств) благоприятствовали осуществлению синтеза различных сторон культурного движения европейских народов, Данилевский акцентирует внимание на том примечательном факте, что этими «богато одаренными дарами духовной природы» народами была открыта христианская истина, позволившая им понять необходимость уничтожения рабства, что и было ими вскоре сделано. Кроме того, романо-германские народы обладали (опять же дар природы!) высоким политическим смыслом и способностью для культурного развития: научно-теоретического и технически-промышленного.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Однако этим великим задаткам европейских народов не суждено было осуществиться в истории вполне, препятствием чему послужили следующие причины: во-первых, особенности европейского психического типа, для которого характерна «насильственность их энергетического строя души»; во-вторых, сильнейшее влияние особенностей римского государственного строя («властолюбие»). Именно благодаря этим двум факторам у европейских народов произошло искажение христианской истины через искажение представлений о значении Церкви, которая превратилась в религиозно-деспотический католицизм.

В свою очередь, этот церковный деспотизм, соединившись с деспотизмом феодальным, «коренившимся в насильственности германского характера», с деспотизмом схоластики, «коренившимся в подобострастном отношении к формам древней науки», превратили всю историю Европы в тяжелую борьбу, которая окончилась троякой анархией: 1) анархией религиозной, то есть протестантизмом, основывающим религиозную достоверность на личном авторитете; 2) анархией философской, то есть всеотрицающим материализмом, начавшим принимать характер веры, замещающей в умах место религиозных убеждений; 3) анархией политико-социальной, выра-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

жающейся в противоречии между *политическим демократизмом и экономическим феодализмом.*

Отсюда Данилевский приходит к вполне обоснованному выводу о том, что, поскольку эти анархии есть орудие и предвестники «разложения», то они не могут считаться живым вкладом в общую сокровищницу человечества; следовательно, романо-германский культурно-исторический тип не может считаться успешным представителем ни религиозной, ни общественно-экономической деятельности.

Напротив, по его теории, с политической и собственно в тесном смысле культурной стороны результаты исторической жизни Европы громадны. В качестве доказательства превосходства именно этих сторон деятельности европейского типа Данилевский ссылается на факт достижения народами Европы политического единства – первого и необходимого условия политического могущества.

Более того, народы Европы не только основали могущественные государства, но и установили отвлеченно-правовые отношения как граждан между собою, так и граждан к государству, то есть успели соединить политические могущества государства с его внутренней свободой. Отметив тот факт, что различные народы Ев-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ропы не в одинаковой степени обладают этим высоким политическим смыслом, как например Германия и Италия, Данилевский подчеркивает то обстоятельство, что во второй половине XIX века народы Европы «приблизились к достижению политического единства».

Еще выше политической деятельности народов Европы он оценивает их вклад в развитие культуры, «плоды европейской цивилизации», в особенности в области науки и промышленной деятельности. В этих областях, по его убеждению, европейцам равных нет; правда, они уступили «пальму первенства» грекам в области искусства, но зато значительно расширили эту область, проложив в ней «новые пути». Таким образом, считает Данилевский, германо-романский культурно-исторический тип следует отнести к *двухосновным культурно-историческим* типам с преимущественно научным и промышленным характером культуры в тесном смысле этого слова.

Как видим, характеризуя политику Европы по отношению к России как предельно несправедливую, агрессивную и нацеленную на уничтожение Русского государства, а коренную черту народов этого типа, усматривая в насильственности, Данилевский в то же время дает самую высокую оценку политических и

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

культурных способностей романо-германских народов, что является бесспорным доказательством беспристрастности данного им анализа европейского типа.

Переходя к непосредственному предмету нашего исследования – особенностям славянского культурно-исторического типа, сразу отметим факт признания Данилевским «глубокою истиной» мнение К.С. Аксакова о русской истории, заключившего, что историю русского народа «можно назвать его житием», то есть жизнью святой, негреховной, истинно религиозной. Поэтому неслучайно он сосредотачивается прежде всего на жизнедеятельности русского народа, подчёркивая то обстоятельство, что Россия к этому времени являлась единственно независимым представителем только что «начинающейся» культурно-исторической жизни всего славянского народа. Поэтому же основанию главная задача Данилевского состояла в том, чтобы раскрыть сущность именно «русской идеи».

Как и все другие типы, славянский тип он рассматривает с четырех принятых им за отправные формы деятельности: религия, культура, политика и общественно-экономическая деятельность.

Всесторонне исследовав коренные черты русского народа с точки зрения значения в его жизни религии,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Данилевский заключил: «Религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительное) содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых людей»[78]. Вообще, русскому и большинству славянских народов достался счастливый исторический жребий – быть главными хранителями живого предания религиозной истины – православия и, будучи «одаренными жаждой религиозной истины, стать народами *богоизбранными*» (после распятия евреями И. Христа и распада Византии).

Являясь хранителем истинного христианства, для религиозной деятельности русского народа стала характерна настойчивость и охранительность, не допускающая ни малейших перемен даже в «самой оболочке святыни», что подтверждается на Руси деятельностью старообрядцев, а у других славянских народов – деятельностью гуситского религиозного движения во главе с Яном Гусом. Однако именно эта религиозная деятельность славянских, но прежде всего русского народа Европа ставит России в вину, обвиняя её в охранительном догматизме.

Соглашаясь с тем, что религиозная деятельность русского народа действительно была по преимуществу

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

охранительно-консервативной, Данилевский с присущим ему особым логическим изяществом отвергает все обвинения в адрес данной стороны деятельности русского народа, выстраивая следующую систему доказательств.

Во-первых, религиозная деятельность есть охранительная по самому своему существу и вытекает из самого значения религии, которая либо действительно есть божественное Откровение, либо почитается таковой верующими. А так как по глубокому убеждению верующих, если религиозная истина «непременно приходит к нам с неба», то она достоверна и потому является незыблемой основой практической нравственности, требующей самоотверженности и самопожертвования. Всякая же другая достоверность – философская, метафизическая или научная является недостижимой, так как к результатам поиска всегда примешиваются сомнения, возможность переосмысления, пересмотра результатов и т. д., а для широких народных масс она еще и недоступна. Поэтому как только религия теряет свой откровенный характер, она превращается либо в философскую систему, либо в грубый предрассудок.

Но если религия есть Откровение, то очевидно, что ее развитие должно состоять в раскрытии истин,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

изначально в ней содержащихся[79]. В этом и состоит внутренняя причина строго охранительного характера религиозной деятельности всех тех народов, которым религиозная тайна была вверена для хранения и передачи в неприкосновенной чистоте другим народам и грядущим поколениям.

Во-вторых, по православному учению непогрешимость религиозного авторитета принадлежит только воле Церкви, а раскрытие содержащихся в ней истин происходит не иначе как путем Вселенских соборов её олицетворяющих. Но так как Вселенские соборы не созывались с восьмого века, то отсюда следует, что охранительный образ действий требовался именно от тех народов, кому была вверена религиозная истина, ибо в противном случае не только порвалось бы живое предание того, в каком моменте раскрытия находилось вселенское православие перед его расколом, но и «затерялась бы точка», к которой всякий, кто жаждет истины, мог бы обратиться с полной уверенностью, что найдет в ней вселенскую истину, «и ничего кроме нее».

С этой точки зрения, считает Данилевский, именно русское старообрядчество получило значение живого свидетельства того, как строго охранялась религиозная истина на Руси, удерживая многие века православную

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

церковь от «многих неблагоразумных шагов», особенно после «отвратительного европейничания», охватившего русскую жизнь. Отсюда он приходит к заключению: религиозная деятельность славянского культурно-исторического типа и в особенности русского народа есть его величайшая заслуга и важнейшая сторона деятельности на всемирно-историческом поприще.

Исследуя вторую сторону жизни славянского культурно-исторического типа – политическую, Данилевский приходит к выводу о том, что все славянское племя мы «в праве причислить к числу наиболее одарённых политическим смыслом семейств человеческого рода», хотя из всех славянских народов только один русский народ успел «устроиться» в крепкое самостоятельное государство, а другим славянским народам, находящимся под непрестанным вражеским политическим и культурным воздействием раньше их сложившихся государств Европы, этого сделать не удалось. Но модель и перспективу их политической деятельности указала Малороссия (Украина), добровольно признавшая после завоевания своей независимости гегемонию России.

Доказывая не просто одаренность, но и уникальный характер политической деятельности русского

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

народа, Данилевский акцентирует внимание на особенности процесса образования Русского государства. Эта особенность состоит в том, что Русь (в отличие государств Европы) никогда не имела колоний или владений, а с самых первых московских князей есть сама Россия, поскольку, постепенно расширяясь во все незаселенные пространства, она «уподобляла» себе инородческие поселения, включенные в ее границы. Следовательно, говорить о каких-то «не Россиях в России», а тем более видеть в них политический идеал есть, по убеждению Данилевского, «оптический обман», базирующийся на «профессиональном невежестве обществоведов, не знающих действительную политическую историю формирования Русского государства».

Данный факт незнания русской политической истории с полной очевидностью демонстрирует и некоторые современные исследователи национального вопроса в России, в частности, И.В. Нам, А.И. Широков[80], обвиняя и царский режим, и советское руководство в колониальном характере их социально-экономического курса и предлагая в качестве альтернативы пресловутую «культурно-национальную автономию», опасность и научная несостоятельность которой была раскрыта

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ещё в конце XIX – начале XX вв. Подобного рода «специалисты», разжигая русофобские настроения среди малых народов РФ, способствуют расшатыванию базовых основ русского государства, создавая угрозу национальной безопасности России.

Исследовав политический курс Руси на всем протяжении ее существования, Данилевский доказал, что в действительности всем, включенным в его состав племенам и народам, была сохранена самобытность их жизнеустройства (религия, обычаи, нравы, язык). Поэтому они спешили принести присягу русскому царю, вступая в тесную хозяйственно-политическую связь с государственной властью и русским народом. По этой же причине, включенные в состав России народы (инородцы), «держась своего устройства», не выделяли себя из русского народа, считали его интересы своими интересами и жертвовали всем личным во имя достижения высоких государственных целей. Одним словом, многочисленные народы России, вошедшие в ее состав, «не образуют новых центров русской жизни, а только расширяют единый нераздельный ее круг». Более того, сами новые русские поселения, создававшиеся только по окраинам и сделавшись уже старой настоящей Русью, в высшей степени способствовали единству и цельности Русского государства.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Однако расширение Русского государства, доставляющее ему прочность и силу, – это только одна сторона его политической деятельности. Другую сторону составляет способность народа к гражданской и государственной свободе (отношение общества и государства), без чего народ нельзя признать вполне одаренным здравым политическим смыслом.

Изучение данной стороны политической действительности русского народа позволило сделать Данилевскому вывод о том, что во всемирной истории никогда не существовало и не существует народа, который бы оказался более «способным вынести большую долю свободы, чем русский народ». Таким образом, вывод А.С. Хомякова об «огромности русской свободы» находит свое полное подтверждение у Н.Я. Данилевского. Равно, как и Хомяков, эту способность русского человека к свободе он усматривает в таких его свойствах, как умение и привычка повиноваться власти, уважение и доверенность к власти, отсутствие в нем властолюбия и привычка считать государственные должности не правом, а обязанностью.

Способность к политической деятельности, здравый политический смысл русского человека Данилевский усматривает также и в том факте, что в России ни-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

когда не было политических революций[81], а все смуты в русской истории всегда носили «совершенно особый характер» (не политический в строгом смысле этого слова) и **не преследовали** цель свержения самодержавия с целью замены его другой формой правления.

Так, в смутах междуцарствия рубежа XVI–XVII веков народ требовал возвращения на престол «настоящего царя» Дмитрия, а крестьянская война под предводительством Е. Пугачева проходила под знаком царя Петра III, что означает: народ всегда чувствовал свою солидарность с верховной властью и ждал («чаял») от нее исполнения своих заветных и справедливых желаний, что исполнялось царской властью с невероятной для Европы быстротой и приводило к усилению и укреплению доверия к власти со стороны русского человека. Таким образом, по отношению к государству, по способности жертвовать ему всеми личными благами и по отношению к гражданской свободе «русский народ одарен замечательным политическим смыслом», и на все другие славянские народы (исключая поляков, точнее, шляхетство) по той же непритязательности, умеренности в пользовании свободою, – заключает Данилевский, мы «можем распространить эти же свойства».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Рассматривая третью сторону деятельности славянского культурно-исторического типа – *общественно-экономическую*, он дает этой деятельности также самую высокую оценку: Россия является «единственным обширным государством, в котором нет обездоленной массы», а потому здесь нет и противоречий между идеалами экономическими и политическими. Следовательно, общественно-экономическое здание России, в отличие от стран Европы, «зиждется не на нужде граждан, а на их обеспеченности»[82]. Это уникальное явление в мировой истории Данилевский объясняет тем, что в результате реформы 1861 года крестьяне, получившие свой земляной надел и естественным путем объединенные издревле в общины, превратились в самый консервативный класс, что обеспечивает устойчивость русского общественно-экономического строя и его бесспорное превосходство над экономическим строем европейских стран[83].

Как видим, Данилевский в данную составляющую «русской идеи» (сельская община) не привносит нового элемента, целиком разделяя славянофильскую точку зрения на русскую общину. Но оригинальным здесь у него является *правовой* взгляд на общину: если славянофилы обосновывали превосходство русской

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

общины над европейским экономическим строем с исторической и морально-нравственной точек зрения, то Данилевский обращает внимание на тот факт, что «наша община есть…точно такая же священная и неприкосновенная форма собственности, как и всякая другая, как сама частная собственность»[84], являясь *историческим правом русского крестьянства.*

Оригинальным в «русской идее» у Данилевского является и данное им четкое разграничение понятий «община» и «общинный», на смешении которых активно спекулировали все русские либералы: разрабатывая различного рода теории русского общинного социализма и породив народничество в его различных направлениях, они были едины в идее свержения самодержавия в России. Сравнивая западные социалистические теории со славянофильской общинной теорией и отмечая этимологическое сходство слов «община» и «общинный, что в переводе на французский означает «социализм», Данилевский прямо указывает на «злонамеренность» смешивания этих понятий, бросающих «неблаговидную тень на нашу общину», поскольку по своему основанию и происхождению европейский социализм есть учение революционное, требующее коренного переустройства общества. Напротив, русская сельская община выросла

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

естественно-историческим путем: она органически складывалась, исходя из чисто русских внутренних начал, являлась главной экономической основой образования Русского государства и продолжает оставаться таковой уже «законченного и завершенного государственного здания», а поэтому и не требует никаких революционных планов его переустройства.

Отсюда Данилевский делает свой главный вывод относительно общественно-экономической деятельности русского народа: «Эта-та здравость экономического строя России, – заключает он, – и составляет причину, по которой мы можем надеяться на высокое общественно-экономическое значение славянского культурно-исторического типа, имеющего… не отвлеченную только правомерность в отношениях граждан, но реальную и конкретную»[85].

Наконец, исследуя последнюю сторону славянского культурно-исторического типа – культуру в тесном смысле этого слова, – Данилевский отмечает, что по сравнению с греческим и европейским типом все совершенное до сих пор русским и другим славянским народами «весьма незначительно». Это объясняется их «молодостью», то есть недавностью их вступления на историческое поприще, а также неблагоприятным

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

обстоятельствами их развития, поскольку определяющую роль для развития собственно культурной деятельности играет утверждение национальной независимости, определение национально-государственных границ. Данное явление есть своего рода «закон развития культурно-исторических типов», ибо во всемирной истории нет ни одного примера, чтобы собственно культурная деятельность народа начиналась раньше создания им независимого суверенного государства, то есть раньше завершения деятельности по государственному строительству после выхода его из этнографического состояния.

С этой точки зрения, славянская культура вышла из этнографического периода жизни и вошла в исторический период позже европейских стран на целых четыре столетия[86]. Более того, из всех славянских народов только русский народ образовал суверенное государство, а потому только Россия получила более благоприятные условия для развития своей самобытной культуры.

Однако и здесь ее успешному развитию препятствовали неблагоприятные условия как внешнего, так и внутреннего порядка. К числу таковых Данилевский верно относит: постоянные угрозы внешнего врага

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

(сначала с Востока, а затем с Запада) и обширность территории страны, способствующая бродячему (вольному) образу жизни русского человека, нежелающего поступаться своей свободой в пользу государства. Данные обстоятельства, грозившие превратить Русь в рассыпанную храмину, и породили необходимость в напряженной государственно-политической деятельности при возможно сильном правлении в форме самодержавия и единодержавия, что естественно отодвигало собственную культурную сторону деятельности государства «на задний план».

Сильным препятствием на пути быстрого культурного развития России являлись и реформы Петра I, осуществившего «вредные переделки русской жизни по европейскому образу», что только усиливало государственно-политическую деятельность и внесло раскол в «русскую идею». Однако, несмотря на неблагоприятные условия для развития культуры и русский, и все прочие славянские народы доказывают, что они одарены природой всеми способностями, которые необходимы «для блистательной деятельности на поприще наук и искусств… и мы в праве, следовательно, ожидать, что с переменой этих условий разовьются они в роскошные цветы и плоды»[87].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Доказательства правомерности своего прогноза Данилевский находит уже в современной ему русской культуре, ссылаясь на несколько убедительных примеров.

Так, в некоторых отраслях изящной словесности Россия представила образцы, равные высшим образцам европейской литературы. К таковым он относит произведения Н. Гоголя («Мертвые души», «Старосветские помещики», «Шинель»); драматическую эпопею А. Пушкина «Борис Годунов», которую он называет «совершеннейшим в своем роде произведением после драматических хроник Шекспира»; роман-эпопею Л. Толстого «Война и мир» и другие его произведения, которые хотя и имеют художественные недостатки, но зато доказывают, что «мы способны еще к эпическому пониманию нашего прошлого», чего нет ни в одной европейской литературе.

В области изобразительного искусства Данилевский указывает, по крайней мере на одно произведение – картину Иванова «Явление Христа народу», которая, по его определению есть «в полном смысле картина первоклассная». Особо заметим, что в оценке значения этой картины (впрочем, как и всей культуры) Данилевский поражает нас не только глубиной своего проник-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

новения в замысел художника, но и изумительным изяществом своей мысли при анализе им выразительных средств, с помощью которых Иванов изобразил различные впечатления, которые должна была произвести на мир идея Христова, служа «увертюрой великого начинающегося действия». «Такая задача, – пишет он, – должна была воплотить в телесных образах высшее проявление духа без помощи аллегорий, без помощи сверхъестественного… На почве и средствами самой строгой действительности должна была быть представлена самая идеальная духовность. Такую трудную задачу едва ли когда-нибудь задавал себе художник…Если Рафаэлем создан тип Святой Девы, то за Ивановым остается слава создания типа Предтечи»[88].

В скульптуре мы также имеем одно «выходящее из ряда художественное произведение» – группа «Преображения» Пименова для Исаакиевского собора. Это произведение, по его мнению, есть наглядное средство того строгого требования естественности и реальности, «которое составляет одну из отличительных черт русского искусства», равно как и поэзии.

В русской музыке, и прежде всего в произведениях М. Глинки, Данилевский видит высочайшую «ясность мысли, художественность и законченность»,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

соединенные с оригинальностью и необычайным «богатством мелодии».

Что касается других славянских народов, которые хотя и не имеют своей государственно-политической самостоятельности, но и они представили «замечательные образцы чисто народного творчества». Таким образом, предприняв всесторонний анализ общих результатов деятельности различных культурно-исторических типов и сравнивая их с особенностями деятельности славянского типа и русского народа, прежде всего, Данилевский пришел к двум важнейшим выводам:

1. Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать по причине ее невозможности и исторической неполноты; понятие общечеловеческого не имеет в себе ничего реального и действительного, оно даже у́же понятия о племенном или народном; всечеловеческой цивилизации также не существует и не может существовать, поскольку этот идеал может быть достижим только последовательным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразной деятельностью различных народов.

2. Славяне – это отдельный культурно-исторический тип со своим самобытным сознанием, религией, культурой, психическим складом и языком.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Отсюда он высказывает свою «основательную надежду» на то, что славянский культурно-исторический тип в первый раз в мировой истории представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова: «Мы можем надеяться, – пишет Данилевский, – что славянский тип будет первым полным четырехосновным типом… Осуществится ли эта надежда, зависит вполне от воспитательного влияния готовящихся событий, разумеемых под общим именем восточного вопроса, который составляет узел и жизненный центр будущих судеб Славянства»[89].

Однако для осуществления этой надежды славяне могут и должны, по мнению ученого, образовать свою самобытную цивилизацию. Но, если славянство окажется не в состоянии «выработать» самостоятельную цивилизацию, то ему грозит опасность «раствориться и обратиться в этнографический материал» и, потеряв свой формационный (образовательный) принцип, питать «своим трудом и потом, плотью и кровью» враждебную нам во всех отношениях Европу.

Единственным способом избежать этой жалкой участи для славянства, в том числе и самой России, может стать только создание Всеславянского союза: «Всеславянский союз, – пишет он, – есть единственная

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

почва, на которой может возрасти самобытная славянская культура»[90]. Таким образом, Данилевский вводит в свою концепцию «русской идеи» еще один, главный, по его убеждению элемент – Всеславянский союз.

Собственно, этот элемент в истории развития «русской идеи» не является чем-то новым: мысль об объединении всех славянских народов впервые была высказана еще в XVII веке Юрием Крижаничем, суть идеи которого, была раскрыта нами в первой книге, посвященной «русской идее»[91]. Но, в отличие от Крижанича, Данилевский не только дал историческое и политическое обоснование необходимости и значения Всеславянского союза, но и разработал фактически кодекс русской дипломатии.

Выше мы уже отмечали, что с общей культурно-исторической точки зрения, по его учению, Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению. Поэтому ей остается только два пути: либо вместе и со всеми славянскими народами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, либо лишиться всякого культурно-исторического значения, то есть «стать ничем».

Но точно также два пути для России, считал он, возможны и с чисто политической точки зрения. Од-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

нако, если второй путь – это путь гибели славянства как особого типа, то первый путь, предполагающий создание особой славянской цивилизации, должен включать в качестве непременных условий строгое соблюдение следующих политических установок, или положений:

1. Россия не может быть членом европейской системы.
2. Россия должна быть противовесом Европе.
3. Россия должна отказаться от политики сохранения равновесия сил в Европе.
4. Россия должна сохранить запас исторических сил.
5. Борьба России с Европой должна стать необходимым условием сохранения «всемирного равновесия», то есть поддержание баланса сил на международной арене.

Этот свод установок, или правил, разработанный Данилевским на основании комплексного исследования внешней политики России и Европы на протяжении девяти веков, фактически представляет собою кодекс русской дипломатии. Отсюда, на наш взгляд, будет совершенно правомерным считать разработанный им кодекс русской дипломатии самостоятельной, а потому и **новой компонентой** «русской идеи» в концепции Данилевского.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Общий принцип русской дипломатии, в котором бы заключалась «наша политическая мудрость», служа которой мы можем «споспешествовать нашим высоким и святым русско-славянским целям», Данилевский выразил следующей формулой: «примирение так называемой политики принципов с политикой случайных обстоятельств» без ненависти и любви, ибо «в этом чуждом мире ничего не может и не должно возбуждать ни наших симпатий, ни наших антипатий…»[92].

Разработав кодекс русской дипломатии, Данилевский раскрывает каждое из его положений, логически вытекающих одно из другого.

Первое положение – *невозможность России быть членом европейской системы* – Данилевский объясняет тем фактом, что, во-первых, не принадлежа в сущности к Европе, Россия только по своим размерам и по численности населения уже составляет «аномалию» в германо-романо-европейском мире, поэтому всякое естественное увеличение роста ее народонаселения еще более усиливает эту «аномалию».

Во-вторых, Россия слишком велика и могущественна для того, чтобы быть одною из великих европейских держав, а то обстоятельство, что она занимает это место более семидесяти лет[93], только подтвержда-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ет тот факт, что она могла играть эту роль «не иначе как скорчиваясь-съеживаясь» и тем самым отклоняясь от свершения своих судеб, не давая простора своим собственным интересам, стремлениям и призванию. По мере развития естественных сил России это «умаление себя» шло по возрастающей, в то время как при всех равных условиях «экспансивная сила России» гораздо больше, чем у всех государств Европы. Неслучайно, как показывает исторический опыт, ни одно государство не может «отважиться» воевать с нею один на один. Таким образом, одним только фактом своего существования Россия уже нарушает систему европейского равновесия.

В-третьих, Россия не может быть членом европейской системы еще и потому, что «ее туда не принимают», но требуют при этом отречения от ее очевидных прав и собственных интересов. Отсюда Данилевский приходит к обоснованию второго правила российской дипломатии – *быть противовесом Европе.*

Россия должна быть противовесом Европе уже потому, что ее враждебность России слишком очевидна. Эта враждебность лежит не в случайных комбинациях европейской политики либо в действиях того или иного европейского «государственного мужа», пола-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

гающего Россию своим естественным «прирожденным» врагом, а в самых основных ее интересах. Поэтому, даже несмотря на некоторые периоды умиротворения, Европа всемерно и всегда будет препятствовать усилению связи России с западными славянскими народами, стремясь разъединить «несплоченное славянское тело» как политическими, так и цивилизационными соблазнами до тех пор пока «не выветрит самую душу Славянства, растворив его в европействе». Следовательно, будучи чуждой европейскому миру по своему психическому складу, будучи слишком сильной и могущественной для того, чтобы стать всего лишь одной из держав Европы, Россия должна стать противовесом Европе и одновременно главою особой самостоятельной системы славянских государств, дабы избежать участи предстать перед миром «жалким образцом исторического недоросля в громадных размерах». Что же касается других славянских народов, то для них вопрос этот стоит в самой грозной и трагической форме: «быть или не быть».

Третьим правилом дипломатии России Данилевский считает *отказ ее от политики сохранения системы равновесия сил в Европе:* «Европа, – пишет он, – не случайно, а существенно нам враждебна; следова-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

тельно, только тогда, когда она враждует сама с собою, она может быть для нас безопасною»[94].

Это правило русской дипломатии, на наш взгляд, является наиболее сложной частью разработанного им кодекса и, соответственно, наиболее сложной частью его «русской идеи». Дело в том, что европейская система политического равновесия сил, согласно Данилевского, это не искусственная комбинация, придуманная дипломатами Европы, а «естественный нормальный порядок вещей», который не только не противоречит принципу национальности, а является твердым и незыблемым основанием существования Европы, в отличие от славянского мира, применительно к которому тот же «нормальный порядок вещей» может основываться только на гегемонии России.

Но поскольку порядок, основанный на системе политического равновесия европейских государств есть единственно устойчивый порядок, постольку как бы он не колебался, он всегда восстанавливается, что называется «силою вещей». Рассмотрев подробнейшим образом историю многочисленных попыток нарушения европейской системы политического равновесия со стороны Германии, Франции, Испании, Италии, Англии, а также роль России в восстановле-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

нии этого европейского равновесия, Данилевский пришел к выводу о том, что: во-первых, «все предлоги и соблазны» к нарушению системы политического равновесия Европы один за другим постоянно исчезают, и это равновесие после всякой новой борьбы становится все более устойчивым. Это происходит либо с помощью «коллективной дипломатической мудрости Европы», либо благодаря самому «стремлению к естественному для нее порядку вещей».

Во-вторых, можно считать почти совершенно устоявшимся факт объединения пяти главнейших европейских государств и устранение всех соблазнов к нарушению там системы политического равновесия. Но поскольку это так, то вся честолюбивая деятельность Европы приводит к установлению ее господства («владычества») над другими народами и частями света, а главным лозунгом её становится лозунг: Drang nuch Osten.

Как видим, вывод Данилевского был не просто пророчеством (провиденциализм) ученого; провиденциализм в исследовании «русской идеи» был характерен и для так называемых «русских» религиозных философов, также выстраивающих свои прогнозы относительно будущего России. Однако все их учения

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

о «русской идее» дальше пророчества о возможной русской революции не уходили. Да и пророчества их, антироссийские по сути, базировались не на знании русской, а тем более мировой истории, а на масонско-каббалистической идеологии, которую они, безусловно, знали и разделяли в большинстве своем (этот вывод подтверждается предшествующими исследованиями автора данной монографии)[95].

Напротив, прогноз Данилевского, разработавшего кодекс русской дипломатии, основывается на уникальном знании логики, законов и конкретных фактов развития мировой истории. Именно этим объясняется его жесткое требования отказа России от политики сохранения политического равновесия в Европе, при сохранении такого равновесия в мировом масштабе.

В международной ситуации, которая сложится в период попыток Европы к установлению своего мирового господства, утверждает он, главным препятствием на пути этих попыток станут два государства: Россия и США. Но поскольку США ограждены от посягательств Европы естественным своим (географическим) расположением и мало пока заинтересованы в положении дел в Старом Свете, то вся тяжесть сохранения равновесия во всемирном масштабе «ля-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

жет на плечи России», тем более что при доказанной долговременным опытом непримиримой враждебности Европы к России «можно смело ручаться»: первого же предлога будет достаточно для нападения ее на Россию[96].

А между тем, именно Россия почти на всем протяжении XVIII–XIX столетий играет решающую роль в деле поддержания системы политического равновесия сил Европы, принося в жертву для её сохранения огромные материальные и человеческие ресурсы, нанося себе серьезный нравственный и материальный урон. Но всё бесплодно: она только напрасно истощает себя, а вместо «дружбы Европы» мы получаем ее дружную «ненависть и вражду». Отсюда следует, что Россия должна уйти от дипломатии, направленной на сохранение системы политического равновесия сил в Европе и «даже отрешиться от самой мысли солидарности с ней», когда речь идет о чисто европейских интересах. А если это так, заключает Данилевский, то хотим мы этого или не хотим, борьба с Европой «становится неизбежной».

Однако бороться с Европой наиболее эффективно и последовательно может только объединенное Славянство, то есть Всеславянский союз. При этом, обра-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

зование Всеславянского союза должно быть не угрозой кому бы то ни было, а «мерой чисто оборонительной» и, главное, не только в интересах собственно славянских, а в интересах «всей Вселенной», для чего России необходимо сохранить свой огромный «запас исторических сил». Таким образом, Данилевский выходит на обоснование четвертого правила русской дипломатии – *борьба за поддержание в мире баланса сил на международной арене и, наконец, пятого правила – сохранение Россией запаса своих исторических сил.*

Учитывая особую важность положения о сохранении Россией запаса собственных исторических сил, которое Данилевский возвел в ранг «закона», начнем с рассмотрения пятого правила русской дипломатии, тем более что четвертое правило в данном разделе своей работы он только декларирует[97], не рассматривая его детально, поскольку само понятие «силы русского народа» он раскрывает при обосновании им необходимости создания Всеславянского союза.

Заметим однако, что четвертое правило оценил по достоинству уже Александр III, внесший огромный вклад в формирование новой системы международных отношений. Но с наибольшим успехом это правило было реализовано только советской дипломатией, что

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

привело к созданию биполярного мира и обеспечивало равновесие сил на мировой арене. К сожалению, после разрушения Советского Союза российская дипломатия стала придерживаться правила сохранения баланса интересов, а не баланса сил, ослабляя, на наш взгляд, позиции России, хотя вполне определенные тенденции к реализации четвертого правила русской дипломатии, сформулированного Данилевским, сегодня явно просматриваются: началось постепенное возвращение к осознанию значения и роли «русской идеи» в процессе возрождения Русского государства.

Давая обоснование пятого правила русской дипломатии (сохранение Россией запаса своих исторических сил), Данилевский отмечает, что у некоторых народов уже в этнографический период (либо сразу после выхода из него) благодаря имеющимся благоприятным условиям начинают быстро развиваться или даже достигать своего совершенства религиозная, политическая и культурная жизнь, хотя основания ее еще непрочны и недостаточно устойчивы для того, чтобы укрепиться во всех частях своего расселения, что часто приводит к гибели этих «первоцветов». В то же время в отдельных частях своего расселения народ, «находясь под охранительным покровом могучей

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

природы» (леса, горы и т. д.) продолжает свою тихую этнографическую жизнь, не расточая, а накапливая «элементы будущей силы» и вливая постепенно их в чуждые им инородческие племена, живущие по соседству, уподобляя тем самым их себе мало-помалу. В итоге, происходит постепенное накопление огромного запаса исторических сил, то есть культурный и политический резерв, который заявит о себе тогда, когда этого потребуют обстоятельства. Таким образом, закладываются крепкие основания общеполитической, а затем и общенародной жизни.

Но закон сохранения исторических сил, с точки зрения Данилевского, имеет и другое более общее значение: оно связано с обновлением высших (просвещенных) классов «свежими силами», которые «доставляются» из низших этнографических общественных классов. Являясь для большинства этнографов аксиомой, этот закон, точнее, действие его впервые было исследовано Данилевским с исторической, а не с этнографической точки зрения.

Прослеживая историю формирования различных государств, подтверждающих неуклонное действие данного закона, Данилевский акцентирует внимание на истории образования Русского государства, где

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

имели место как благоприятные, так и неблагоприятные факторы. Так, на юге России, главным образом в Приднепровье и предгорьях Карпат быстро развивались «первые семена гражданственности и образованности», но внутренние междоусобицы, татарское нашествие, постоянные вторжения Польши и Литвы на русские земли разрушили единое Древнерусское государство.

Однако на протяжении многих веков мощный запас исторических сил Руси создавался на северо-востоке страны в глухой лесной части ее, в стороне от деятельной исторической жизни. Благодаря этому запасу, этому историческому резерву сил русского народа и стало возможным собирание русских земель, восстановление единства Руси и, наконец, создание мощного единого централизованного Русского государства. Точно так же, как Греция, Италия, Испания, Франция и Германия, сохранив запас исторических сил, возобновили свою историческую жизнь и стали центром объединения родственных им племен и народов.

Но Россия, имея гораздо больший запас исторических сил, должна возродить, восстановить и обновить собою славянскую жизнь в более широких мас-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

штабах: она должна стремиться к созданию Всеславянского союза. «Этого, – пишет Данилевский, – требует закон исторической экономии, столь же разумный, как и закон экономии природы, ничего напрасно не создающей, извлекающей все следствия из своих посылов. Против исторического тока событий, как против рожна, играть невозможно»[98].

Провозгласив создание Всеславянского союза целью или, по крайней мере, политическим идеалом всех, сознающих себя славянами и, опираясь на всю совокупность неопровержимых исторических фактов, Данилевский, опровергнув «нелепые» возражения своих либеральных оппонентов в России и откровенных клеветников Европы, не знающих Россию, но пытающихся в ложном свете выставить идеал всего славянства, раскрывает политические выгоды и значение Всеславянского союза, доказывая его «блистательную, величавую, миродержавную историческую роль» в будущем.

Прежде всего, утверждает он, создание Всеславянского союза приведет к усилению *внешнего могущества* славянства, что естественно вызовет ослабление «напора» вражеского Запада, что, в свою очередь, будет способствовать развитию задатков

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

нравственного и материального благосостояния всех членов Союза. Самым простейшим и единственным средством для достижения этой цели может быть только политика «невмешательства во внутренние дела своих союзников», а также «беспристрастное, примирительное» влияние России на взаимное отношение их между собою.

Эта уверенность Данилевского в силе и могуществе Всеславянского союза во главе с Россией базируется на его знании всей истории ведения Россией военных действий: с начала XVIII столетия России только одной «выпало на долю» бороться с тремя величайшими военными гениями новейшего времени (Карл XII, Фридрих II, Наполеон I), в борьбе с которыми Россия вышла победителем.

Причины всех великих побед русской армии Данилевский объясняет целым рядом факторов.

Разделив все условия, составляющие силу любой армии на пять категорий – численность войска, тактическое обучение, качество вооружения, талант военачальников и нравственный дух, одушевляющий войско, он выделил главную причину всех побед России: «Ежели четыре из пяти разрядов условий, составляющих силу войска, в значительной степени склонялись

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

в пользу наших неприятелей, то ничего не остаётся предположить как то, что пятым элементом этой силы, то есть нравственным духом, самоотверженностью обладали русские в степени несравненно большей, нежели противники, кто бы они ни были… обладали в такой степени, что эта сила перевешивала все остальные преимущества, бывшие на стороне неприятелей»[99]. Таким образом, на первое место среди всех причин, обусловивших победу России на всех войнах, Данилевский ставит высокий нравственный дух русского народа.

Об этом же свидетельствует и другая особенность русской армии, а именно: даже оказавшись в самом отчаянном положении, сколь-нибудь значительная часть русской армии еще ни разу не складывала оружие, поскольку высота нравственного духа русского войска, превосходство силы русского духа принадлежат к постоянным, коренным свойствам русского народа, свойствам, которые «не могут быть ни приобретены, ни заменены чем бы то ни было» и которые всегда становятся главной силой, обеспечивающей успех России в войнах. Поэтому неслучайно Фридрих II произнес всем известные слова: «Русские стены из мяса, их мало убить, надо еще повалить».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Но, если к этому превосходству нравственной силы русского народа присоединить еще и по большей части родственные по духу и крови славянские народы, то, считает Данилевский, такой Союз станет действительно одним из самых могущественных в мире[100].

Но главное значение создания Всеславянского союза он усматривал в том, что его образование является необходимым условием культурного прогресса человечества и установление баланса сил на международной арене во избежание осуществления на Земле ложной и опасной общечеловеческой цивилизации, поскольку: «Прогресс, – пишет он, – состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся»[101].

Однако и Европа, и всякого рода «русские западники («ублюдки самого гнилого свойства», по выражению Данилевского) стремятся во что бы то ни стало осуществить в мире идеал общечеловеческой, то есть идеал европейской цивилизации, что равнозначно «прекращению самой возможности дальнейшего прогресса», который предполагает новое миросозерцание,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

новые цели, новые стремления, всегда коренящиеся в особом психическом строе новых этнографических элементов, «выступающих на деятельное поприще»[102]. Поэтому, для того, чтобы культурная сила не иссякла в человеческом роде вообще, необходимо, чтобы *носителями ее являлись новые деятели,* с иным психическим строем, иным просветительным началом, иным историческим воспитанием», каковым Данилевский считает славянский культурно-исторический тип, или славянскую цивилизацию.

А если это так, то надо «дать место», где бы могло зародиться это новое, не подчиненное влиянию одной европейской цивилизации, «ибо нет большего проклятия, наложенного на человечество, чем осуществление на Земле единой общечеловеческой цивилизации». Таким образом, обеспечение прогресса – это первая и главная причина необходимости и мировой значимости создания Всеславянского союза. Всемирное значение Всеславянского союза, согласно Данилевского, будет выражаться и в том, что его создание породит «разнообразие» в историческом развитии всех народов. Напротив, установление в мире господства одной человеческой цивилизации было бы гибельным для человечества и лишило бы весь челове-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ческий род важнейшего условия успеха и совершенствования. Создавая возможность разнообразия, Всеславянский союз не только не угрожает миру всемирным господством одной цивилизации, но и выступает «единственным предохранением» от него, составляя достаточную преграду «мировому владычеству Европы». Являясь необходимым условием обеспечения свободы и разнообразия во всех жизненных проявлениях человеческого рода, Всеславянский союз станет образцом «правильного и гармоничного течения общечеловеческих дел».

Однако Данилевский не ограничивается одним обоснованием необходимости и значимости для мирового сообщества Всеславянского союза: он обосновал политическую форму будущего Всеславянского союза в виде федерации, а также определил основные политические принципы, «или правила», соблюдение которых необходимо для его гармоничного развития человечества.

Единственно верной формой политического объединения всего славянства, согласно Данилевского, должна стать федерация, поскольку, как показывает нам исследование культурно-исторических типов, именно федерация отвечает в наибольшей степени

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

требованиям единства и разнообразия во всех его составных элементах: «…дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, были политически независимы» и только тогда, когда разнообразные этнографические элементы его составляющие *не поглощены* одним политическим целым», она способна будет достигнуть всей своей полноты, разнообразия и богатств. «На этих основаниях и полагаем мы, что почвою для развития славянской культуры должна стать федерация независимых славянских народов»[103].

Однако учитывая, что западное славянство окружено враждебной могущественной и агрессивной Европой, Данилевский считает, что эта федерация должна быть «гегемонистического типа», то есть весьма тесным федеративным образованием при гегемонии России. Но и этого еще недостаточно для «политической крепости» Всеславянского союза. Сами члены союза в своем внутреннем устройстве также должны представлять достаточное «ручательство силы и единства» для того, чтобы охранять свою «внутреннюю самостоятельность» и, не впадая в состояние крайнего разобщения, «иметь сознание своего деятельного

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

влияния в общем ходе союзных дел». Более того, Данилевский с полной определенностью заявляет, что «большие этнографические и лингвистические группы, на которые разделяется славянский мир… должны войти как самостоятельные целые в общеславянский мир… Нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общею идеей Всеславянства как в политическом, так и культурном отношении…»[104].

Но если это так, то отсюда становится совершенно очевидным, что В.С. Соловьев, В.П. Безобразов, И.И. Кареев, П.Н. Милюков, Н.И. Бердяев, Н.К. Михайловский, М.Н. Покровский, А.М. Деборин (Иоффе), Э.Л. Радлов, Е.Б. Рашковский, К.В. Султанов и другие тайные и явные русофобы, обвиняющие Н.Я. Данилевского в «проповеди великодержавного шовинизма», «реакционного национализма», в «разжигании национальной вражды», в «панславизме», «натурализме» и других смертных грехах, беззастенчиво и цинично оклеветали выдающегося русского мыслителя.

В высшей степени убедительное и полное опровержение всех клеветнических измышлений на труды Данилевского было дано С.А. Вайгачевым, в его «По-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

слесловии» к работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»[105]. Столь же убедительны и ответы клеветникам, данные известным русским публицистом Н.Н. Страховым.[106]

Наконец, пробным камнем, раскрывающим подлинную суть позиции ученого в национальном вопросе, является его отношение *к языку* – душе народа. С этой точки зрения учение Данилевского является лучшим опровержением всех обвинений его в проповеди великодержавного шовинизма и разжигании межнациональной вражды. Завершая разработку своей «русской идеи», в центре которой стоял вопрос о создании Всеславянского союза, Данилевский обращается к проблеме русского языка в славянском мире. Полемизируя с различными «радетелями русского языка» по вопросу его распространения в славянском мире, он отверг любые их «искусственные попытки» превращения русского языка в общеславянское средство общения и использования его в качестве языка науки, искусства и в международных отношениях с целью достижения «духовного единства славян».

С точки зрения Данилевского, это было бы «ошибкой», поскольку духовное единство славянских народов есть, конечно, «главное и высшее», а полити-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ческое объединение есть сравнительно «низшее начало», но зато – «это фундамент», который может соединить весь народ славянского мира. Поэтому начинать надо с низшего, то есть с политического объединения славянства как великого «исторического толчка для успешной проповеди русской идеи». «Пока не расчищено место и не углублен в почву крепкий фундамент, – пишет Данилевский, – нельзя и не должно думать о возведении прочного здания»[107]. Являясь убежденным защитником «разнообразия», он последовательно и твердо выступал и против денационализации культур.

Апофеозом «русской идеи» Данилевского можно считать его заключительные слова, посвященные России и всему славянскому миру: «Главный поток всемирной истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила… На обширных равнинах Славянства должны слиться все эти потоки в один мощный водоем»[108]. Этот сильнейший по эмоциональному накалу призыв – восклицание Данилевского есть прямая перекличка А.С. Хомякова.

«Смотрите, как широко воды
Зеленым долом разлились,
Как к брегу чуждые народы

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

С духовной жаждой собрались»[109].

Таким образом, обладая в равной мере энциклопедическими знаниями как в области общественных, так и в области естественных наук, являя собою совершенно уникальный тип русского ученого XIX века, Данилевский, разработав грандиозную концепцию развития мировой истории, поднял «русскую идею» на высочайший уровень осмысления, поставив ее в центре своего фундаментального исследования.

Оценивая огромное значение научного творения Н.Я. Данилевского для России, известный русский историк XIX века К.Н. Бестужев-Рюмин прямо сказал: «Книга Данилевского «Россия и Европа» рано или поздно станет **поворотным пунктом в развитии русского самосознания**», когда «наконец, с нею ближе познакомятся мыслящие русские люди и решатся изучать ее без всяких предубеждений»[110].

Еще более высокая оценка вклада Н.Я. Данилевского в развитие «русской идеи» была дана Н.Н. Страховым: «Автор «России и Европы, – писал он, – принадлежит к тем известным **праведникам, которыми спасается наше Отечество**»[111].

Однако после революции 1917 года имя Данилевского в России стало предаваться забвению, а его рабо-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

та «Россия и Европа», равно как и другие труды ученого, ни разу не переиздавались с 1895 по 1991 год. В то же время на Западе именно в XX веке громадный научный потенциал трудов Данилевского был оценен в полной мере: книга Данилевского «Россия и Европа» была переведена на многие языки, а её автору посвящено множество работ зарубежных исследователей в Европе и США.

В зарубежной историографии XX века Н.Я. Данилевский был провозглашен «пионером» способа пространственно-временной локализации явлений культур, а его имя было поставлено в один ряд с такими мыслителями, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Нортроп, А. Шубарт. Более того, в Европе и США хорошо изучены и учтены все базовые компоненты «русской идеи» Данилевского, которые они успешно использовали в области политики и дипломатии по отношению к Советскому Союзу и странам социалистического лагеря. С большим успехом теоретические разработки Н.Я. Данилевского применяются ими и сегодня, результатом чего стало разрушение СССР, денонсация Варшавского договора и создание однополярного мира, то есть господство одной культуры, одной цивилизации, о страшной

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

опасности утверждения которой предупреждал Н.Я. Данилевский.

Напротив, современные российские исследователи[112], обращаясь к трудам Данилевского, размахивая жупелом панславизма, упорно продолжают клевету, начатую ещё в XIX веке так называемыми «русскими» философами, обвиняющими Данилевского в «срыве» осмысления «русской идеи» (Н.И. Бердяев), в «натуралистическом обосновании» законов развития культурно-исторических типов (В.С. Соловьев, В.В. Зеньковский), упрекая его в нравственном релятивизме и национализме.

Опасность такого рода «исследований» для современной России состоит не только в том, что их авторы, к примеру – Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская – становятся лауреатами конкурса «Гуманитарные науки – гуманитарному образованию», но и в том, что их выводы, ложные по сути, не находят должного резонанса в отечественной историографии, закрепляя тем самым предвзятое отношение к научному творчеству Н.Я. Данилевского.

Завершая наше исследование «русской идеи» Данилевского, обратимся вновь к автору «Послесловия» С.А. Вайгачеву, сказавшему: «… вспомним слова анг-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

лийского ученого, задавшего на юбилейных чтениях, посвященных «Закону Европы» Шпенглера, вопрос: возможно ли оплодотворение культуры Запада идеями, возникшими на востоке Европы? Будем ли вслед за Данилевским надеяться, что «русское и славянское, святое истинно всемирно-историческое и всечеловеческое дело – не пропадет».[113]

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ГЛАВА 3. «РУССКАЯ ИДЕЯ» В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПРИМИТИВНОГО ЭСТЕТИЗМА К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Собственно переходный период от славянофильства к западничеству в истории развития «русской идеи» XIX века завершился творчеством Н.Я. Данилевского, и с начала 90-х годов «русская идея» попадает почти в полную компетенцию западников, главным образом, философов.

Однако еще на взлете славянофильства в 70-х годах в общественную мысль России при весьма странных обстоятельствах было вброшено нечто из ряда вон выходящее, а именно: на страницах славянофильских изданий неожиданно стала появляться предельно примитивная публицистика никому не известного Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891 гг.)

Являясь полным дилетантом в науке, лекарь по образованию, Леонтьев сразу заявил о создании им собственной «исторической гипотезы» и собственной «русской идеи», опираясь на труды, по его выражению, тех «немногих» обществоведов, которых ему «удалось прочитать».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Основанием такого уровня претензий для него послужили следующие тщеславные соображения, на которые Леонтьев ссылается сам: «Помню, в одном месте, – пишет он, – (у Чернышевского – *Г.К.*) было сказано, что при всем великом значении Гоголя нет никакого сомнения, что у нас будут писатели более **гениальные**, чем он… не я ли один из этих будущих писателей?»[114].

Уверовав таким образом в свою «гениальность», он еще до выхода в свет своего первого «сочинения», вызвавшего у И.С. Аксакова при знакомстве с рукописью «изумление» своей «ненаучностью», заявил: «Талант высшего размера во мне признавали и признают все те, которые могут быть судьями»[115]. А таковыми судьями он считал для себя только двух западников: В.В. Розанова и В.С. Соловьева, причем, первого из них несмотря на то, что он вынес Леонтьеву уничтожающий вердикт: «…все opera omnia его – это ряд «перекрещенных» синим карандашом томов…в них нечего вдумываться»[116].

Однако Леонтьев буквально атаковал славянофилов (Погодина, Каткова, Аксакова) своими письмами и просьбами о личных встречах, добиваясь любыми способами (не исключая доносы) публикаций своих «трудов» именно в славянофильских издательствах.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Итогом этих постоянных домогательств и стало появление его публикаций, объединенных затем в двух главных, совершенно невнятных по смыслу и жанру «сочинениях»: «Византизм и Славянство», а также «Восток, Россия и Славянство». Оба эти «творения» Леонтьева не произвели никакого впечатления ни на славянофилов, ни на западников несмотря на различие их методологических и идеологических подходов к исследованию проблем «русской идеи», что было вполне естественной реакцией высокообразованных специалистов-обществоведов.

Но если это так, как бы ни старались современные либералы причислить К.Н. Леонтьева к числу великих пророков, философов и мыслителей периода «русского ренессанса», предрекших скорую реализацию «модели грядущей катастрофы России», один из авторов такого рода панегириков – Д.М. Володихин прямо вынужден был признать, что «Константин Николаевич **не написал** ни одной монографии, ни одной конкретной исторической работы»[117]. Следовательно, нет и никаких оснований удивляться единодушному неприятию так называемых «сочинений» Леонтьева со стороны просвещенного русского общества XIX века, представители которого пытались его развенчать.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Развенчание Леонтьева, последовательное снятие натянутых им на себя масок славянофильства началось уже после его смерти и поражения революции 1905–1907 гг. в России, когда закончился период вполне оправданного игнорирования его как ученого и обнаружилась реальная опасность леонтьевской примитивной эстетики, псевдонаучность «учений» и антирусская направленность его «русской идеи».

Первым, кто начал снимать маски с Леонтьева, стал А.А. Закржевский: «Мы, – утверждал он, – не знаем Леонтьева… То лицо, которое мы знаем, – лишь маска… Если разгадают его, если снимут маску, – в ужасе отшатнутся… Под черной отшельнической одеждой увидят вампирский лик инквизитора… вся сфера Леонтьева – это лабиринт без выхода, это один тусклый и неподвижный взгляд Сфинкса». Именно Закржевский первым верно обнаружил в Леонтьеве «человека Запада», отсутствие у него «характерно русского боления за всех, этой любви к обиженному и страдающему брату»[118].

Те же черты антирусскости и холодной западной расчетливости заметил в Леонтьеве и О.Э. Мандельштам, который, изучив его «Византизм и Славянство», причислил Леонтьева к числу «лжеучителей»[119].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Но, что для нас особенно важно, – это всякое отсутствие в его сочинениях науки и философии, а, следовательно, и отсутствие метода научного познания в творчестве Леонтьева. К такого рода заключению пришел профессор Киевской духовной академии В. Завитневич в своей рецензии на магистерскую диссертацию К. Агеева о Леонтьеве: «Чтобы верно понять, что такое был Леонтьев, – писал он, – достаточно перечислить следующие особенности его личности: это был мыслитель, не веривший в силу разума; философ – без гносеологии и онтологии; верующий человек – без живого Бога, активно воздействующего на мир; христианин – не признавшей первой и главной заповеди Христовой; моралист, отрицающий нравственное достоинство личности…»[120].

Однако, с нашей точки зрения, окончательно снял с Леонтьева многочисленные маски все-таки С.Н. Булгаков в своей статье «Победитель – Побежденный». Раскрывая подлинные истоки его представлений о «русской идее» и развенчивая псевдославянофильство Леонтьева через анализ духовного кризиса европейской культуры, Булгаков заключает: «Обычно считают его славянофилом, «разочарованным эпигоном». Плохо надетую личину принимают за живое лицо… Но нас те-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

перь не обманут эти охранительные идеи… Леонтьев не только не славянофил, но, вопреки всей своей ненависти к Европе и даже **именно в этой ненависти**, он европеец, и его нельзя принять вне этого духовного, существенного европеизма… Леонтьев был одним из ранних выразителей его назревшего кризиса – духовного кризиса всей новоевропейской культуры, как и его хронологически младший брат Фр. Ницше. Леонтьев весь в Европе и об Европе: для славянского мира он знает лишь слова **разъедающей критики и презрения**, и даже Россия как таковая для него ценна (точнее, представляет интерес – *Г.К.*) лишь постольку, поскольку хранит и содержит религиозно-культурное наследие византизма… сама же она обречена оставаться в состоянии ученичества и пассивного усвоения. А византизм, конечно, лишь раннее лицо Европы же»[121].

Но, прежде чем мы перейдем к собственному исследованию «русской идеи» Леонтьева, укажем на *первую*, чрезвычайно важную особенность его мировоззрения, а именно: примитивную эстетику, посредством которой Леонтьев воспринимал и определял все современные ему реалии жизни, а также сформировал свои представления о византизме, православии, славянстве, Европе, России и общественном прогрессе.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Вторая особенность леонтьевского мировоззрения состоит в том, что в его «сочинениях» вовсе отсутствует какая-либо оригинальная теория: ее заменяют потуги, претенциозно именуемые Леонтьевым «исторической гипотезой», которая в действительности являет собою примитивную эклектику, составленную из предельно извращенных и упрощенных им отдельных элементов славянофильской теории, иудаизма и католицизма.

Наконец, *третьей* особенностью мировоззрения Леонтьева является исповедание и защита им базовых заповедей «Ветхого завета», то есть иудаизма, что прямо указывает на антирусскую сущность его «русской идеи».

Поскольку все представления о русской жизни и «русской идее», как мы уже отметили, Леонтьев рассматривает через призму эстетизма, начнем с понимания им значения эстетики: «Эстетическое мерило, – пишет он, – есть самое важное, ибо оно – единственно общее и ко всем обществам, ко всем религиям, ко всем эпохам приложимое»[122]. В «Письмах отшельника» Леонтьев значительно расширяет значение для него эстетики: «Эстетика, – заявляет он, – спасла во мне гражданственность. Раз я понял, что для боготворимой тогда мною поэзии жизни необходимы почти все те общие формы и виды человеческого развития…

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

для меня стало понятно, на какую сторону стать: на сторону всестороннего развития или на сторону лже-полезного разрушения»[123].

Таким образом, заявив о том, что он исповедует принцип красоты как в искусстве, так и в жизни, и провозгласив примат эстетики в своем «творчестве», Леонтьев уходит в декадентство, то есть крайнее отпадничество, о чем свидетельствует его собственное признание: «Даже на боль и страдание, – пишет он, – стараюсь смотреть только как на музыкальные красоты, без которых и картина истории была бы не полна и мертва»[124]. Более того, отвергая с точки зрения эстетики «всеевропейскую пошлость», он, назначенный странным образом (будучи не профессионалом) на дипломатическую службу на Востоке, с упоением погружается в его «примитивную чувственную негу» и низменное плотское сладострастие, усматривая в этом «особую» эстетическую прелесть и красочность»[125].

Однако через несколько лет службы на дипломатическом поприще, несмотря на упорное сопротивление Леонтьева, последовала его безоговорочная отставка. В этой связи возникает естественный вопрос: что скрывается за эстетическим бегством Леонтьева сначала на Балканы, куда он безуспешно рвется и после его отстав-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ки, а не добившись желаемого, бежит на Афон, и каким образом повлияла исповедуемая им декадентская эстетика на его представление о «русской идее»?

Ответ на этот вопрос в начале XX века пытались дать многие исследователи сочинений Леонтьева. Однако авторы работ этого периода пришли к прямопротивоположным выводам. Вернулись обществоведы к изучению леонтьевской эстетики только в конце XX века.

Так, В.И. Косик в своей статье, признав, что «без эстетики Леонтьева невозможно рассматривать его взгляды»[126], в то же время вообще не исследует ее содержание и сущность. Соответственно, Косик исключил из своего анализа и проекцию леонтьевского эстетизма на все компоненты «русской идеи». Однако, исключив эстетику и ограничив себя рассмотрением только тех пассажей, в которых Леонтьев заявляет о необходимости и возможности социалистической революции в России «попеременным путем – и в крови, и мирных реформ»[127], Косик приходит к выводу: «...Леонтьев верил... в то, что именно социализм в XX и XXI вв. будет играть на почве государственно-экономической ту же роль, какая принадлежала христианству на религиозно-государственной почве»[128].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Отсюда следует, что он либо не усмотрел в эстетике Леоньева очередную маску, либо сознательно проигнорировал ее содержание, либо не понял глубоко масонскую сущность различных теорий русского социализма. Но, как бы то ни было, своим анализом, пусть и односторонним, Косик подтвердил антирусскую сущность «русской идеи» Леонтьева.

Среди всех исследователей эстетизма Леонтьева, как нам предствляется, наиболее выверенную трактовку сущности леонтьевской эстетики дал С.Н. Булгаков: «...такой эстетизм, – заключает он, – есть тончайшее и предельное выражение безбожного гуманизма, того люциферического мятежа человека, который имеет начало с Возрождения... И Леонтьев в самом существенном своем самосознании оказывается гуманистом из гуманистов, когда проклинает новую цивилизацию во имя гуманистического идеала красоты; причем с наибольшей энергией подчеркиваются черты «белокурого зверя», красота силы, страстей, жестокости. *Так* чувствовали жизнь родоначальники Возрождения в эпоху вакхического самоупоения человечностью и так *хотели* бы чувствовать жизнь пришедшие уже к краю, стоявшие над историческим обрывом эпигоны того же гуманизма – Ницше и Леонтьев»[129].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Действительно, эстетический идеал красоты эпохи Возрождения кардинально отличается и по сути, и по значению от идеала красоты, существующего у древних греков и в христианстве.

Так, в идеале греков красота, которую они видели в небожителях (божественная красота), являлась для них *религиозной нормой*, а не человеческим вожделением. В христианстве под красотой понимается *сила целомудрия*, поэтому красота в христианстве есть также *норма*. Отсюда следует, что и у древних эллинов, и у христиан эстетический идеал красоты – это сила *первозданная*, независимая от человеческих вожделений, то есть здесь красота есть величина *объективная*.

Напротив, в эстетическом идеале красоты эпохи Возрождения (Ренессанс XIV–XVI веков), проникнутого верой в безграничные возможности воли и разума человека, с его отрицанием религиозной схоластики и аскетизма, но, главное, с его пониманием человека как высшего начала бытия и утверждением полного раскрепощения творческой личности, уже нет ничего первозданного, объективного. Фактически – это эстетическое самоутверждение личности, грубое и амбициозное, где превалирует культ человеческой красоты, сладострастия и безбожия. По заключению

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Булгакова, эпоха Возрождения есть «апофеоз художественного вкуса и эстетического импрессионизма», и именно «этот идеал эстетического самоутверждения» и представлял своим творчеством Леонтьев.

Однако с середины XIX века в общественной мысли и жизни Европы победу одерживает либерализм и, соответственно, утверждается другой эстетический идеал – идеал *демократического гуманизма* с его культом толпы, среднего человека и идеей «эгалитарного прогресса», что привело к упадку люциферского самосознания в человеке.

Такого рода смена идеала «дурнушки Европы», которая позволила эгалитарному прогрессу (по выражению Леонтьева) «растерзать свою благородную исполинскую грудь», и которую он так всегда любил и восхищался, вызвала у него яростный протест, бунт его эстетизма против нового европейского идеала.

Но в этой вражде Леонтьева к Европе нет ничего общего со славянофильским отрицанием Европы, поскольку их важнейшие базовые основания кардинально различаются и векторно расходятся: в леонтьевском отрицании нового идеала Европы находит свое выражение его личное декадентство, его личное отпадничество, или то, что так метко определил Булга-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ков, «бунт своевольного эстетизма против демократического гуманизма»[130]; напротив, славянофильская «русская идея», отрицая идеал Европы, базируется на «хоровом начале» и на сельской общине как на важнейших ее компонентах.

Отмеченные особенности мировоззрения и мироощущения Леонтьева наложили соответствующий отпечаток и на его так называемую «историческую гипотезу», представляющую собою предельно упрощенную и грубую биологическую схему исторического процесса.

Согласно этой схеме, все исторические народы, как и любой биологический организм, обладают определенной продолжительностью жизни (около 1000 лет) и проходят три стадии своего развития: 1) состояние первоначальной простоты; 2) состояние цветущей сложности – «цветущее тело»; 3) состояние вторичного упрощения, или упростительного смешения.

Но, утверждает Леонтьев, какую бы стадию развития мы ни взяли, везде «мы увидим одно и то же», а именно: на всех стадиях происходит упрощение составных частей организма: «Все постепенно понижается, мешается и сливается, а потом уже распадается и гибнет», превращаясь в нечто общее, но «не собою уже являющееся и не для себя существующее». В ито-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ге, в период окончательной гибели «индивидуализация как частей, так и целого слабеет. Гибнущее становится и однообразнее, и ближе к окружающему миру, и сходнее с родственными, близкими ему явлениями (т. е. свободнее)»[131].

Ну, в том, что все трупы, распадаясь, теряют свою «индивидуальность», положим, никакого открытия, загадки или парадокса для нас нет. А вот каким образом они при этом становятся «ближе к окружающему миру», «сходнее» с близкими им явлениями и, главное, «свободнее» – это, скажем, большой парадокс.

Однако парадоксом данный вывод Леонтьева является только для читателя, а сам Леонтьев делает отсюда новое «открытие», суть которого состоит в следующем. Поскольку, заявляет он, «разлагающаяся и разрушившая у себя все благородное Европа» оказывает своим «эгалитарным прогрессом» огромное влияние на Россию, и нам предстоит выдержать «натиск», предписанных ею «гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости»[132], постольку нам необходимо остановить это европейское воздействие, ибо все признаки этого «смрада и гнили» в России имеются. Более того, уничижая Россию, Леонтьев грозит ей

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

апокалипсисом «Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела»[133].

Каким способом и какими средствами распространение европейской «всепошлости» в России можно остановить, но, главное, сохранить при этом его личную «индивидульность» Леонтьеву тоже известно: для этого необходимо следовать его теории «реакционного прогресса», что означает переход к охранительной реакции: «Пора учиться, как делать реакцию»,[134] – заявляет он.

На первый взгляд кажется, что все понятно в его призыве: непреклонный борец с либерализмом и демократическим прогрессом Европы Леонтьев выступает за сохранение и укрепление самодержавия в России, поскольку именно самодержавие являлось истинным выразителем охранительного начала. Однако призыв к реакции – это очередное леонтьевское «костюмирование» своих мыслей, очередная его «маска». В действительности, дело обстоит с точностью до наоборот, а именно: Леонтьев ждет социалистической революции как высшего выражения либерализма, то есть идеала масонства, реализация которого в России приведет к осуществлению его потаенной мечты – встать над ненавистной ему толпой непосвященных «изгоев», подчинив их «стро-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

жайшей дисциплине» и «порядку», создав таким образом новую цивилизацию, новую культуру.

Предрекая и взыскуя появление в России новой культуры, он так и писал, что она «будет тяжела для многих, и замесят ее люди столь близкого уже XX века никак не на сахаре и розовой воде равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном для непривычных»[135].

Кроме того, в леонтьевском призыве к «реакции» обнаруживается, что бунтовал-то он вовсе не против либерализма в целом, а только против «умеренного либерализма», против «легальных революционеров», которые в случае победы социалистической революции в России будут преданы «презрению» и «забвению»: «...социалисты везде (а особенно наши Марки Волоховы и Базаровы) ваш умеренный либерализм презирают... И они правы в своем презрении... И как бы ни враждовали эти люди против настоящих охранителей (социалистов – *Г.К.*) или против форм и приемов охранения, им неблагоприятного, но все существенные стороны охранительных учений им самим понадобятся. Им нужен будет страх, нужна будет дисциплина; им понадобятся предания покорности, привычка к по-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

виновению; народы, удачно (положим) экономическую жизнь свою пересоздавшие, но ничем на земле все-таки неудовлетворимые, воспылают тогда новым жаром к мистическим учениям и т. д.»[136].

Более того, угрожает Леонтьев, «если социализм не будет в силах создать попеременным путем – и в крови, и в мирных реформах новое неравенство прав и новую разнородность развития… близится конец всему»[137]. В этом, по его убеждению, и заключается единственно верный путь России. Но для того, чтобы строго следовать по этому пути, необходимо решить ряд важных задач.

К числу главных из них Леонтьев относит твердое следование принципам византизма: «Нужна, – пишет он, – вера в дальнейшее и новое развитие Византийского (Восточного) христианства (православия), в плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь, отчасти и в православное intus susceptio (вливание – *Г.К.*) властной и твердой немецкой крови и т. д. Чем больше в нас, славянах, будет физиологической примеси и чем больше в то же время религиозного единства между собою и бытового обособления от Запада – тем лучше»[138].

Однако, что понимает Леонтьев под византизмом?

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

«Византизм, – пишет он, – есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие понятийные начала и свои определенные в истории последствия»[139]. В более широком смысле византизм есть «общая идея, которая слагается из нескольких частных идей: религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных»[140]. Византизм в государстве «значит – самодержавие»; византизм в религии «есть христианство с чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов»; византизм в нравственном мире – это «наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу… византизм отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов… он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства»[141].

Как видим ничего общего с истинно византийским нравственны идеалом (а тем более с православием) леонтьевская интерпретация его не имеет: они прямо противоположены.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Что касается византизма в области философии и художественном творчестве, то здесь Леонтьев и вовсе бессилен указать какие-либо его признаки, ограничиваясь неопределенным замечанием: «…все это легко себе вообразить несколько более или несколько менее византийским»[142]. Полностью исключил он из своего анализа и вопрос о социально-экономической основе Византии.

Раскрывая состояние византизма в России, Леонтьев допускает не только безапелляционные заявления, но и утверждает, что, благодаря нашей бесцветности, простоте, бедности и неприготовленности, он «глубоко переродиться у нас не мог, как на Западе, он всосался у нас общими чертами своими чище и беспрепятственнее»[143]. Однако: «Сильны и могучи у нас только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие и, может быть, наш сельский поземельный мир…»[144]

Таким образом, леонтьевское представление о византизме носит не только примитивный, а извращенный характер, подтверждающий отсутствие у него элементарных знаний как истории Византии, так и истории России.

Столь же извращенный характер являет собою и леонтьевское представления о славянстве, а все его

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

описания образа жизни и мыслей славянских народов, в том числе и русского, исполнены откровенной неприязни и злобной иронии[145]. Всеславизм, по определению Леонтьева, – это «какое-то аморфическое, стихийное, неорганизованное представление… Напрасно мы будем искать какие-нибудь ясные, резкие черты, какие-нибудь определенные и яркие исторические свойства, которые были бы общи всем славянам. Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков… Идея славизма не представляет… и живую историческую картину известной культуры»[146].

Но, будучи человеком глубоко невежественным, Леонтьев вовсе даже и не осознавал, что религия и язык есть два важнейших базовых элемента культуры любой цивилизации. Следовательно, отрицать славянство как особую цивилизацию означает не просто не понимать сущность «русской идеи», но и отрицать ее как таковую.

Именно из этого отрицания Леонтьев выводит вторую задачу, поставленную им перед Россией: отказаться от идеи создания Всеславянского союза: «Не слития с ними следует желать … надо искать… искус-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ного тяготения на почтительном расстоянии»[147], поскольку, пишет он, «есть славянство, но славизма, как культурного здания, или нет уже, или еще нет, или славизм погиб навсегда, растаял вследствие первобытной простоты и слабости своей под совокупными действиями католичества, византизма, германизма, ислама, мадьяров, Италии и т. п… К тому же славяне, особенно западные, заражены конституализмом»[148], поэтому и сближение с ними может быть пагубным для России.

Назвав славян «младшими братьями» русского народа и усмотрев в них «опасное бремя» и опасных «демократов», Леонтьев выдвинул грозное предупреждение, направленное против объединения славян: «Опасен, – восклицает он, – не чужеземный враг… не немец, не француз, не поляк, полубрат, полуоткрытый соперник… Страшнее всех их брат близкий, брат младший и как будто бы беззащитный, *если он заражен* чем-либо таким, что, при неосторожности, может быть и для нас смертоносным… зараза от близкого и бессильного, которого мы согреваем на груди нашей, опасней явной вражды опасного соперника»[149].

Более того, в своем враждебном отношении к славянскому народу Леонтьев доходит до полного неприятия «этого, по его выражению, отрицательного

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

племени» и предлагает русскому народу принять другую веру: «...нам нужна вера не в само это отрицательное племя, а в счастливое сочетание всего того получужого, преимущественно восточного (а кой в чем и западного), которое заметнее в России, чем у других славян... для достижения своей цивилизации русским выгоднее проникаться турецкими, индийскими и китайскими началами»[150]. Таким образом, дискредитируя славянство и православие Леонтьев ставит перед Россией еще одну задачу: осуществить невообразимую эклектику различных религий с целью реализаций его идеи «реакционного прогресса».

Но и это еще не окончательный приговор «русской идее» и русскому народу. В своей статье «Как надо понимать сближение с народом» Леонтьев открыто заявляет: надо всеми средствами избавиться «от надменного в независимости своей культурного русизма!»[151]

Казалось бы, наконец-то Леонтьев снял с себя последнюю маску. Однако это не так. В указанной нами статье Леонтьев, продиктовав фактически масоно-иезуито-исламский инструктаж по уничтожению России и православия, изобрел новую по-иезуитски изощренную методику маскировки своей русофобии, суть которой сводится к следующему: дискредитация славяно-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

фильства в общественном мнении России, заведомое извращение нравственных заповедей самого христианства и, главное, разработка новой идеологии как способа «освещения знаний» для «русского мужика».

Реализуя свою иезуитскую методику, он, во-первых, объявляет всех славянофилов либералами: «...в их учениях, – пишет Леонтьев, – есть одна чрезвычайно слабая сторона – это эгалитарный либерализм», поскольку славянофилы приветствовали освобождение крестьянства от крепостного права и выступали за сближение правящих классов с народом, что может погубить Россию. Спасительное средство для России он видит не в единении русского общества, а в его расколе: «Эгоизм и открытое презрение высших привилегированных, с одной стороны, апатия и скрытое отвращение низших – с другой, спасали культурный стиль народа»[152]. Более того, он утверждает: «Чем больше равенства, больше общения, больше даже откровенных бесед, больше взаимного понимания, чем больше нравственного влияния сверху вниз, со стороны более сведущей... тем легче общелиберальная зараза»[153]. Как видим, Леонтьев, ложно зачислив славянофилов в стан «либералов» и объявив либерализм «заразой», во-первых, пытался дискредитировать

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

славянофилов в глазах русской общественности, наградив себя правом быть единственным «радетелем» и выразителем интересов русского народа.

Во-вторых, осознавая громадное значение славянофильских учений для сохранения самобытности русской культуры, русского духа, силы и мощи Русского государства, Леонтьев, задавшись вопросом о том, «что же с ними теперь делать» (то есть, со славянофилами – *Г.К.*) предложил резко понизить их влияние и роль в России.

Перечисляя всех «высокоодаренных» славянофилов – И.С. Аксакова (который «вот уже более четверти века не дает забыть русским людям свое симпатичное учение»), М.Н. Каткова (гражданская роль которого, «не говоря уже о громадной силе его непосредственного, практически немедленного всегда влияния необычайно велика»), Данилевского Н.Я. (книга которого «Россия и Европа» «должна стать как бы фундаментом и катехизисом для всех настоящих славянофилов, т. е. для людей, предпочитающих дело культурного обновления выбору путей или средств»), Леонтьев потребовал: их надо изобразить «не отдельно стоящими на большой высоте», а напротив: «Славянофилов можно *и должно даже* изобразить всех вместе в виде группы;

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

но и то только в том случае», если Россия присоединит «просто и без долгих разговоров Константинополь и Дарданеллы», да еще совершит ряд дел, подобных «великим делам Западной Европы»[154].

Расправившись, как он полагал, со славянофилами, Леонтьев приступил к шельмованию Русской православной церкви, ее нравственных заповедей, пропуская их сквозь призму своего эстетизма, ибо, как верно отметил С.Н. Булгаков, «до конца жизни Леонтьев утверждал в себе люциферический свой эстетизм»[155].

Следуя требованиям иудаизма и темной природе своего эстетизма, он дает заведомо ложную трактовку сущности нравственных заповедей христианства, изложив их следующим образом: «Все положительные религии… были учениями пессимизма, узаконившими страдания, обиды и неправды земной жизни»[156]. Поэтому «с христианской точки зрения можно сказать, что *воцарение на земле* постоянного мира, благоденствия, согласия, общей обеспеченности и т. д. … *были бы величайшим бедствием в христианском смысле*»[157]. При этом он находит, что будто бы «с христианством можно мирить философскую идею сложного развития для неизвестных дальнейших целей (может быть, и для всеобщего разрушения)…»[158].

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Таким образом, все, что не совпадает с его трактовкой православного христианства, Леонтьевым либо решительно отвергается, либо осознанно извращается для достижения своей темной, обезбоженной цели, направленной против России.

В самом деле, в леонтьевской публицистике вовсе нет места Иисусу Христу, а что касается православия, то оно подменяется примитивно понятым им византизмом. Там же, где православие все-таки упоминается, то в нем Леонтьев усматривает: во-первых, «все признаки вторичного смесительного упрощения»[159]; во-вторых, он рассматривает православное христианство не как вечную и несомненную истину Откровения, а как «обыкновенное историческое явление»[160], которое в угоду его гипотезе «триединого процесса» развития необходимо менять, «если православию суждено еще расти и цвести в России и в славянстве»[161]. Таким образом, базовый элемент «русской идеи» – православие – Леонтьев фактически игнорирует, подменив его византизмом.

Подменяет Леонтьев значение и смысл другой важнейшей компоненты «русской идеи» – просвещение. Под благовидным предлогом борьбы с эгалитарно-либеральным прогрессом, носителем идеалов которого является «наша интеллигенция», способствующая ут-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

верждению в России «умственного ига Европы», он требует: не просвещать надобно русского мужика, а «искать иных путей», руководствуясь «русским» смыслом: «Русский» смысл, – утверждает Леонтьев, – не в массе знаний… *а в способе освещения этих знаний*, этой массы фактов, в так называемом «выходе в жизнь». Мужик, например, не только молясь в Церкви, но даже сидя в кабаке, уж тем умен и хорош, что он *в прогресс не верит*… Он, когда ему случается подумать о чем-нибудь другом, кроме хозяйства, податей и водки, думает, что «все мы под Богом» и «все от Бога!»… Так мыслит мужик, когда он удосужится помыслить; так думает он полусознательно, не размышляя много и действуя сообразно с этой стихийной, темной думой своей, он *покоряется*, верит и крестится»[162].

Но превознося невежество русского мужика и одновременно унизив его, утверждая, что и думать-то он способен только в промежутке между «уплатой податей и водкой», покоряясь неизбежным в жизни страданиям, злу, разочарованиям и «даже ужасам», Леонтьев усмотрел «огромную косвенную пользу всех этих зол» и, оправдывая это зло, попытался обосновать его справедливость и с религиозной, и с философской точек зрения.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Мы уже отмечали, что, согласно Леонтьева, все положительные религии, «создавшие своим влиянием, прямым или косвенным главнейшие культуры земного шара, были учениями пессимизма, узаконившими страдания, обиды и неправды земной жизни»[163], а все страдания и неправды «были христианам нравственно полезны»[164]. Ложное определение сущности христианства и являлось для Леонтьева доказательством того, что, якобы, для христианства характерно свойство «оптимистического пессимизма» и что христианство, якобы, содержит утверждение о ненужности знания.

В результате, извратив сущность христианства, он выступил против просвещения русского народа и стал упорно проводить идею о необходимости «подморозить Россию реакцией».

Но на широком развитии просвещения настаивал обер-прокурор Синода К.Н. Победоносцев, рассматривая его (просвещение) как главную основу дальнейшего культурного прогресса и важнейшую сферу государственной безопасности страны. Возглавив Синод, Победоносцев в качестве первостепенной задачи своего священства поставил именно просвещение русского народа. В итоге, за годы своего пребывания на посту главы Русской православной церк-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ви количество церковно-приходских школ в России увеличилось с 273 до 43 696, а количество учащихся в них деревенских детей выросло с 13-ти тысяч до почти 2-х миллионов[165].

Политическая история царской России сложилась так, что именно Победоносцев стал последним выдающимся представителем сильной государственной власти, непоколебимым поборником идеи «Москва – Третий Рим».

Имя Победоносцева – крупнейшего ученого-цивилиста, профессора Московского университета, великого государственного мужа, советника трех последних русских императоров не сходило со страниц отечественной печати более четверти века. К имени этой незаурядной личности было приковано внимание всех его современников. Убежденный державник и консерватор, человек величайшего ума, одаренности и энциклопедических знаний, Победоносцев оказал огромное влияние на весь ход исторической жизни России последней четверти XIX века. И это неслучайно: Победоносцев воплотил в себе целый исторический период, приняв на себя вполне осознанно ответственность за этот период и, по выражению Б.Б. Глинского, таким образом «отдал себя на суд истории без страха и боязни этого суда».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

К числу величайших заслуг Победоносцева перед Россией относится и тот факт, что благодаря его влиянию на государственную политику Александра III, в России были выдвинуты жесткие заслоны на путях проникновения либеральных элементов в правительственные круги.

В то же время, Победоносцев никогда не скатывался в лоно реакционеров. Став действительно идейным оплотом самодержавия, Победоносцев как носитель здорового консерватизма был глубоко убежден в том, что русская государственность и форма правления не нуждаются ни в какой радикальной ломке. Именно поэтому он направлял политику Александра III в русло постепенного, *прогрессивного эволюционизма* и дважды своим выступлением в Государственном совете спас Россию от готовившейся ей либералами ускоренной гибели. Обуздав либеральное земство, не допустив в то же время реанимации архаичных форм государственной жизни (Боярскую думу), запретив деятельность многочисленных тайных сект и масонских лож, раскрыв в своих многочисленных научных трудах истинное значение православия и самодержавия в сохранении мощи и силы Русского государства, восстановив значение духовенства и народного учителя в русской жизни, в ты-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

сячи раз подняв грамотность в русской деревне, Победоносцев остался в летописи русской истории не только великим государственным деятелем, великим ученым, но и человеком, чью деятельность можно назвать нравственным образцом служения России, нравственным подвигом на русской земле.

Напротив, Леонтьева либо вовсе не замечали, либо отмахивались от него как от назойливой мухи на всех ступенях государственной власти.

Естественно, чувствуя себя непризнанным, но уверовав в свою гениальность, Леонтьев не мог спокойно воспринимать имя всемирно известного ученого и государственного деятеля, не заметившего вообще его «исторической гипотезы». Но, главное, кардинально разошлись их взгляды на роль и значение просвещения – образования. Если Победоносцев, как уже отмечалось, рассматривал образование как основу культурного прогресса страны и гарантию государственной безопасности, то Леонтьев, маскируя главную цель масонства – установление мирового господства, настаивал на вреде просвещения и пользе невежества, что исключало бы самою возможность разоблачения преступных замыслов этой международной сатанистской секты, начало деятельности которой в России

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

привело к реформе Никона с последующим за ней «расколом», а на Западе – к Реформации, а затем – к революционным потрясениям.

Хорошо зная подлинную сущность и цели масонства, а также досконально изучив их по-иезуитски коварные методы овладения общественным сознанием с помощью прежде всего просвещения, Победоносцев поставил жесткие заслоны на пути проникновения всех членов масонских лож в русское образовательное пространство. Этим и объясняется появление гнуснейшего леонтьевского пасквиля на Победоносцева, в котором глава Русской православной церкви характеризовался следующим образом: «Он как мороз; препятствует дальнейшему гниению; но расти при нем ничего не будет. Он не только не творец; он даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова; мороз, я говорю, сторож; безвоздушная гробница; старая «невинная» девушка и больше ничего!».[166]

Собственно, подобного рода уничтожающие характеристики Леонтьев давал едва ли не всем известным современникам, что свидетельствует о явных комплексах самого автора пасквилей[167]. Но это и не столь важно, поскольку на его клевету обществен-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ность не реагировала. Опасность леонтьевской публицистики состоит в том, что его «костюмированные» мысли имели вполне определенную, но глубоко потаенную цель, а именно: под маской византизма и эстетизма наполнить масонским содержанием «русскую идею» и вбросить ее в общественное сознание, приближая тем самым катастрофу 1917 года в России.

К великому несчастью России все заслоны, выставленные К.П. Победоносцевым в сфере образования, после его смерти были ликвидированы либералами в феврале 1917 года: уже в первом составе Временного буржуазного правительства 10 из 11 членов его являлись масонами высокого градуса.

Но не менее трагично вопрос об образовании в России стоит и сегодня, поскольку либералы во власти под предлогом его «интернационализации» и выхода российской науки на «мировые рубежи», объявили, что изменение внешнеполитической ситуации не помешает им осуществить программу «Глобальное образование», провозгласив его сферой оказания услуг. Но в действительности, если не принимать во внимание пустые декларации, либералы во власти пытаются реализовать опаснейшую для России леонтьевскую теорию «реакционного прогресса», а леонтьевская

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

«русская идея», как мы уже отмечали, есть по сути масонская идеология. Отсюда следует, что создание так называемого «наблюдательного совета» с целью контроля за деятельностью российских университетов, вошедших в программу «топ-100», означает: поставить Россию под контроль всевидящего масонского «ока» – центральный символ в масонской атрибутике.

Но парадокс состоит в том, что в главной своей части (установление мирового господства) масонская и фашистская идеология совпадают. Поэтому поэт Г. Иванов был безусловно прав, когда заключил: «Совпадение политических теорий Леонтьева с «практикой» современности прямо поразительно. Не знаешь иногда, кто это говорит, Леонтьев, или гитлеровский оратор, или русский младоросс. Порой совсем Муссолини, дающий интервью Людвигу… ибо подоплека… одна»[168].

Пора снять все маски с Леонтьева пришла давно. Но сегодня также пора снять маски и с его «верных учеников», коими представляются сотрудники радиостанции «Эхо Москвы», спонсировавшие переиздание леонтьевских «сочинений», а также с его либеральных адептов, под разными масками извращающих «русскую идею».

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема «русская идея» в отечественной историографии второй половины XIX века продолжала оставаться в центре внимания обществоведов, а в исследовании ее происходит окончательное оформление двух прямо противоположных направлений: консервативное и либеральное.

Первое из них было представлено в научном творчестве выдающего русского мыслителя Н.Я. Данилевского, у которого «русская идея» получила совершенно новый геополитический смысл. Разработав грандиозную концепцию развития мировой истории, Данилевский, сохранив славянофильскую основу «русской идеи», ввел в ее содержание новые компоненты: политику, дипломатию и понятие культурно-исторический тип.

Всесторонний сравнительно-исторический анализ различных культурно-исторических типов в контексте развития мировой истории позволил Данилевскому заключить: дальнейшее историческое развитие России может успешно осуществляться только на основе «рус-

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ской идеи», поскольку она является важнейшим источником сохранения духовно-нравственной силы и мощи Русского государства; исторический запас сил России столь велик и прочен, что дает реальную возможность создать Всеславянский союз; «русская идея» и Всеславянский союз могут стать гарантом сохранения баланса сил на международной арене, гарантом мирного сосуществования государств с различным политическим строем; Европа – чуждое и враждебное России образование, из чего следует необходимость создания нового кодекса русской дипломатии.

Либеральное направление изучаемой темы выразилось в попытке полной подмены самого содержания и смысла «русской идеи» масонским содержанием и смыслом. Такого рода попытка была предпринята в публицистике К.Н. Леонтьева, выдвинувшего идею реализации в России масонского проекта «реакционного прогресса» путем «подмораживания» ее, погружая русский народ в состояние страха, жесточайшей дисциплины и полного невежества.

Проигнорировав православие и извратив сущность христианства, Леонтьев главную ставку для осуществления своего проекта сделал на борьбу с интеллигенцией как главного виновника просвещения

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

русского народа. Среди других методов борьбы с распространением знаний в России он избрал метод дискредитации сторонников идеи широкого развития образования и просвещения народа.

В итоге, к концу XIX века на первый план в исследовании темы «русская идея» вновь выходят проблемы просвещения, православия и христианства.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 1

Глава 1. «Русская идея» в переходный период:
от славянофильства к западничеству 6

Глава 2. «Русская идея» в концепции
мировой истории Н.Я. Данилевского 42

Глава 3. «Русская идея» в публицистике
примитивного эстетизма К.Н. Леонтьева 140

Заключение 174

Примечания 178

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1983. С. 21.
[2] Там же. С. 24–25.
[3] Та же. С. 370–373.
[4] Там же. С. 145.
[5] Поляков Л.В. Логика «русской идеи» // ОНС. 1992. № 3. С. 74.
[6] Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Сочинения. С.-Петербург, 1901. Кн. 15; 1904. Кн. 18; 1905. Кн. 19; Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений //Вестник Европы. 1872. № 12; Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж. 1939; Klays Detlev Grothusen. Указ. соч.
[7] Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж. 1939. С. 49.
[8] Цит. по: Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж, 1939. С. 50.
[9] Чичерин Б.Н. Воспоминания, мемуары. Минск-Москва. 2001. С. 256–257; Klays Detlev Grothusen. Указ. соч. С. 200.
[10] Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж, 1939. С. 49.
[11] Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. С.-Петербург, 1901. Кн. 15. С. 157.
[12] Киреевский И.В. О необходимости новых начал в философии // Русская Беседа. 1857. № 2.
[13] Самарин Ю.Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина //Русская Беседа. 1957. № 1. С. 111.
[14] Самарин Ю.Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Русская Беседа. 1857. № 1. С. 104.
[15] Там же. С. 109.
[16] Там же. С. 109.
[17] Там же. С. 110–111, 116, 118.
[18] Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский вестник. 1856. № 3; Чичерин Б.Н. Дополнительная заметка о народности в науке // Атеней. 1858. № 1-8.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

[19] Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский Вестник. 1856. № 3. С. 62–63.
[20] Чичерин Б.Н. Дополнительная заметка о народности в науке // Атеней. 1858. № 1-8. С. 274.
[21] Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский Вестник. 1856. № 3. С. 65.
Там же. С. 64.
[22] Там же.
[23] Чичерин Б.Н. Дополнительная заметка о народности в науке // Атеней. 1858. № 1-8. С. 271.
[24] Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский Вестник. 1856. № 3. С. 65.
[25] Там же.
[26] Цит. по: Чичерин Б.Н. Дополнительная заметка о народности в науке // Атеней. 1858. № 1-8. С. 276.
[27] Самарин Ю.Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Русская Беседа. 1857. № 1. С. 112.
[28] Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский Вестник. 1856. № 3. С. 71.
[29] Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский Вестник. 1856. № 3. С. 71.
[30] Цит по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 15. М., 1901. С. 160–161.
[31] Там же.
[32] Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики. С.-Петербург, 1882. С. 248.
[33] Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений // Вестник Европы. 1872. № 12. С. 678.
[34] Klays Detlev Grothusen. Die Historische Rechtskhule Rublands Gisscir, 1962. С. 196.
[35] Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн.15. М., 1901. С. 163.
[36] Чичерин Б.Н. Воспоминания, мемуары. Минск-Москва, 2001. С. 313.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

[37] РГАЛИ. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 1699.
[38] Чичерин Б.Н. Критика г. Крылова и способ исследования Русской Беседы // Русский Вестник. 1857. Т. 10. С. 727–768.
[39] Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 15. М., 1901. С. 277.
[40] Чичерин Б.Н. Критика г. Крылова и способ исследования Русской Беседы // Русский Вестник. 1857. Т. 11. С. 768.
[41] Щапов А.П. Сочинения. Т. II. С.-Петербург, 1906–1908. С. 157.
[42] Чичерин Б.Н. Воспоминания, мемуары. Минск-Москва, 2001. С. 256–257.
[43] Klays Detlev Grothusen. Указ. соч. С. 198–200.
[44] Чичерин Б.Н. Воспоминания, мемуары. Минск-Москва, 2001. С. 331–332.
[45] Поляков Л.В. Логика русской идеи // ОНС. 1992. № 3. С. 79.
[46] Страхов Н.Я. О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». М., 1991. С. 510–511.
[47] Там же. С. 512.
[48] Там же. С. 513.
[49] Страхов Н.Я. О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». М., 1991. С. 513.
[50] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 137.
[51] Там же. С. 34.
[52] Примечание: Крымские татары находились в вассальной зависимости от Османской империи и постоянно нападали на южные окраины России вплоть до второй половины XVIII в.
[53] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 38.
[54] Там же. С. 39.
[55] Там же. С. 38.
[56] Примечание: с большой натяжкой к завоеваниям России в этом районе можно отнести Туркестанскую область, Кавказский горный хребет, 5–6 уездов Закавказья и, если угодно, Крымский полуостров – этим собственно и ограничивается всё, что можно назвать данным именем.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

[57] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 34.
[58] Там же. С. 40.
[59] Там же. С. 41.
[60] Богданович М.И. История войны 1813 года. СПб., 1862. Т. I. С. 2.
[61] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 43.
[62] Там же. С. 44.
[63] Цит. по: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 44.
[64] Там же. С. 45.
[65] Там же. С. 46.
[66] Там же. С. 46–47.
[67] Там же. С. 52.
[68] Там же. С. 52.
[69] Там же. С. 52, 53.
[70] Там же. С. 92.
[71] Там же. С. 88.
[72] Там же. С. 81.
[73] Там же. С. 191.
[74] Примечание: в конце XX века этой особенностью психологического строя русского народа вероломно воспользовались вожди «перестройки» в СССР – Горбачёв, Ельцин, Яковлев, Гайдар, Чубайс и другие: провозгласив «новое мышление» и курс на перестройку, они ввергли Россию в пучину хаоса, целью которого являлось уничтожение Российского государства.
[75] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 197.
[76] Там же. С. 473.
[77] Там же. С. 474.
[78] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 480.
[79] Примечание: данный вывод Н.Я. Данилевского был положен Б.Н. Чичериным в обосновании им цели исторического познания: по его учению, цель исторического познания есть постижение Абсолюта.
[80] Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск,

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

2009; Широков А.И. Государственная политика на северо-востоке России в 1920–1950 гг.: опыт и уроки истории. Томск, 2009.

[81] Примечание: Н.Я. Данилевский не дожил до первой русской революции, спровоцированной и подготовленной тайными обществами, сектами и масонами всех мастей, сбившимися в РСДРП, «Бунд» и другие национал-либеральные партии, направляемые Европой против русского самодержавия.

[82] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 491.

[83] Примечание: хорошо осознавая очевидное превосходство прочности русского государства, все внутренние и внешние враги России неслучайно стремились в первую очередь разрушить именно крестьянскую общину.

[84] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 492.

[85] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 493.

[86] Примечание: этот факт в начале XXI в. стал оспариваться в отечественной историографии в связи с новыми археологическими открытиями на Урале и в Карелии.

[87] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 500.

[88] Там же. С. 504.

[89] Там же. С. 508–509.

[90] Там же. С. 397.

[91] Криницкая Г.С. Русская идея. Томск, 2013.

[92] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 441.

[93] Примечание: Данилевский указывает на 70 лет, имея в виду вступление России в европейскую политику, то есть поход А. Суворова в Италию в 1799 г.

[94] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 443.

[95] Криницкая Г.С. Демократия в России: русская мысль и современность. Томск, 2011. С. 58–92; Криницкая Г.С. Из истории русской интеллигенции. Томск, 2007.

[96] Примечание: Первая мировая и Вторая мировая войны, развязанные Европой, – убедительнейшее тому подтверждение.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

[97] Примечание: согласно Данилевского, Всеславянский союз был бы не угрозой, а мерою чисто оборонительной и не только в интересах славянства, но и всей Вселенной. Всеславянский союз имел бы своим результатом не всемирное могущество, а равный и справедливый раздел власти между теми народами или их группами, которые во всемирной истории могут считаться активными её деятелями. К таковым относят Европу, Россию и США.
[98] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 440.
[99] Там же. С. 465.
[100] Примечание: как видим, разработчики «Гарвардского проекта» хорошо знакомы с работой Данилевского: неслучайно они ставили одной из главных задач горбачёвской перестройки в России, прежде всего, ликвидацию мировой системы социализма и Варшавского договора, уже в годы первой пятилетки «перестройки» в СССР (1985–1990 гг.)
[101] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 87.
[102] Там же. С. 425.
[103] Там же. С. 385.
[104] Там же. С. 387.
[105] Вайгачев С.А. Послесловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
[106] Страхов Н.Н. О книге Н.Я. Данилевского Н.Я. Россия и Европа // Известия С-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1886. № 12; Он же: Наша культура и всемирное единство // Русский Вестник. 1888. № 6; Он же: Последний ответ г. Вл. Соловьеву // Русский Вестник. 1889. № 2.
[107] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 507.
[108] Там же. С. 509.
[109] Хомяков А.С. Стихотворение «Ключ».
[110] Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов. СПб., 1889. С. 559, 562.
[111] Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1888. С. XVI.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

[112] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1997. С. 169–170.
[113] Вайгачев С.А. Послесловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 567.
[114] Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М., 2000. С. 322.
[115] Там же. С. 317.
[116] Розанов В.В. Опавшие листья. Короб 2 // Сочинения. М., 1990. С. 405.
[117] Володихин Д.М. Константин Леонтьев. Поздняя осень России. М., 2000. С. 6.
[118] Закржевский А.А. Одинокий мыслитель (Константин Леонтьев) // Литературный сборник. СПб., 1911. С. 7, 11, 34.
[119] Мандельштам О.Э. О природе слова // Слово и культура. М., 1987. С. 61.
[120] Завитневич В. Отзыв о печатном сочинении Г.К. Агеева // Извлечение из журнала Киевской духовной академии. Киев, 1910. С. 262.
[121] Булгаков С.Н. Победитель – Побежденный // Pro et contra. Константин Леонтьев. СПб., 1995. С. 379.
[122] Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М., 1912–1913. Т. 5. С. 63.
[123] Там же. Т. 7. С. 267.
[124] Там же. Т. 8. С. 98.
[125] Примечание: подробно о своих плотских увлечениях он излагает в статье «Моя литературная судьба» // Константин Леонтьев. Поздняя осень России. М., 2000.
[126] Косик В.И. Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк? // Восток, Россия, Славянство. М., 1996. С. 10.
[127] Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М., 1912–1913. Т. 7. С. 217.
[128] Косик В.И. Указ. соч. С. 12.
[129] Булгаков С.Н. Победитель – Побежденный // Pro et contra. Константин Леонтьев. СПб., 1995. С. 383.
[130] Там же. С. 384.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

[131] Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М. 1912–1913. Т. 5. С. 192.
[132] Там же. С. 137.
[133] Константин Леонтьев. Поздняя осень России. М., 2000. С. 155.
[134] Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М. 1912–1913. Т. 5. С. 211.
[135] Там же. Т. 7. С. 187.
[136] Леонтьев К.Н. Восток, Россия, Славянство. М., 1996. С. 287.
[137] Русское обозрение. 1897. Май. С. 400–401.
[138] Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М. 1912–1913. Т. 7. С. 324.
[139] Константин Леонтьев. Поздняя осень России. М., 2000. С. 17.
[140] Там же.
[141] Там же. С. 18.
[142] Там же.
[143] Там же. С. 20.
[144] Там же. С. 39.
[145] Примечание: такого рода характеристика славянских народов содержится в третьей и четвертой главах его книги «Византизм и Славянство».
[146] Константин Леонтьев. Поздняя осень России. М., 2000. С. 17, 50.
[147] Там же. С. 154.
[148] Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М. 1912–1913. Т. 5. С. 168, 170, 388.
[149] Константин Леонтьев. Поздняя осень России. М., 2000. С. 156.
[150] Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М. 1912–1913. Т. 7. С. 323, 452.
[151] Леонтьев К.Н. Восток, Россия, Славянство. М., 1996. С. 291.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

[152] Там же. С. 289–290.
[153] Там же. С. 290.
[154] Там же. С. 286.
[155] Булгаков С.Н. Победитель – Побежденный // Pro et contra. Константин Леонтьев. СПб., 1995. С. 390.
[156] Леонтьев К.Н. Восток, Россия, Славянство. М., 1996. С. 292.
[157] Там же. С. 292, 293.
[158] Там же.
[159] Там же.
[160] Там же.
[161] Там же.
[162] Там же. С. 291–292.
[163] Там же. С. 292.
[164] Там же. С. 293.
[165] Победоносцев К.Н. Великая ложь нашего времени. 2004.
[166] Памяти Константна Николаевича Леонтьева: литературный сборник. М., 1911. С. 124.
[167] Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М., 2000. С. 271–334.
[168] Иванов Г. Страх перед жизнью // К. Леонтьев и его современность. М., 1994. Т. 3. С. 387.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Научное издание

КРИНИЦКАЯ Галина Степановна

РУССКАЯ ИДЕЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Технический редактор *А.В. Лисевич*

Подписано к печати 28.10.2014. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 10,88. Уч.-изд. л. 9,84.
Тираж 100 экз.

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета

